

Каюм Симаков

Вспоминания о былом

*(из истории города Касимова и деревни Тебеньково)
часть I*

В краю родном,
задумчивом и нежным....

г. Касимов 2015 год

От былого до нескончаемого настоящего...
посвящаю моим внукам...

Живут хорошие внуки у меня,
Для меня они - надежды,
Надежды живого огня.
Мчится время по широкой трассе,
У меня в них юности в запасе,
Жизнь горит во мне неугасимо,
У меня они - вечности,
Мои внуки, сыновья моих детей.

Как будут жить мои внуки до старости лет, как и какой путь они пройдут, какой след оставят для своих ближних и нашего общества, давшего всё возможное для хорошего деяния, что и как будет окружать их в 75 лет? Меня очень интересует также их быт, внешняя среда, научно-технические достижения, уровень жизни, их мировоззрение; кто из них и чем будет заниматься до моих лет?

Сейчас, когда я начинаю повествование о БЫЛОМ, наступил 1979 год, и мне исполнилось 75 лет, а им, моим внукам, всего только от 11 до 20-ти лет. Как бы хотелось мне хоть вприщур одного глаза заглянуть в их будущее - 2040 - 2050гг. Но, увы!.. А вот узнать о моих предках - хотя бы о прадеде можно было бы, если бы они оставили свои мемуары. Это было бы теперь для меня особенно интересно. Но, к сожалению, они этого не сделали, да и не могли сделать - были неграмотны.

Чтобы в какой-то мере когда-нибудь удовлетворить интерес моих внуков, я счёл своей обязанностью написать им свои мемуары. Если они сами напишут своим детям мемуары с поручением, чтобы и они написали то же самое и обязали своих детей и внуков продолжить такие повествования, которые в свою очередь дали бы подобные наказания - так из поколения в поколение... Таким образом создавались бы тома о ПРОШЛОМ нескончаемые; и заголовок был бы оправдан.

Вместо предисловия.

По происхождению я сын крестьянина, в то же время - содежателя ресторана. В юношеские годы занимался сельским хозяйством; образование получил инженера-металлурга по тяжёлым цветным металлам. Двадцать три года работал на заводах цветной металлургии (начальник цеха - главный инженер - директор - первый заместитель министра цветной металлургии Казахстана). Затем назначался председателем совнархоза Восточно-Казахстанского экономического района - заместителем Председателя Совета Министров Казахской республики - первым заместителем Председателя Совета

Министров этой же республики, и последняя работа была должность Председателя Госплана КазССР, при этом и заместитель Председателя Советов Министров Казахстана. В партию я поступил в 1940 году. С 1942 года по 1968 год (до ухода на пенсию) постоянно избирался членом бюро партийных организаций, начиная с партийного комитета до ЦК КП Казахстана. Избирался членом ЦК КП Казахстана в течение последних двадцати четырёх лет и депутатом Верховного Совета СССР (последние годы работы), где возглавлял обязанность руководителя сводной группы Планово-бюджетной комиссии. Был награждён Орденом Ленина, двумя Орденами Трудового Красного Знамени, Орденом «Знак Почёта» и шестью медалями; дважды награждён Золотой медалью ВДНХ. С целью обмена опытом побывал в Бельгии, Швеции, Германии, Канаде; прездам в этих же целях делал остановки в Хельсинки, Париже и Лондоне; в гостях был в Праге. Институт закончил в 1934 году, и в этом же году женился. Всю жизнь страстно увлекался охотой. Родился я в 1904 году.

Вот в общих чертах мой образ жизни. Моё повествование «О былом» и будет в основном вытекать из них, а также от родословия.

Краткое родословие.

Мои родители, прародители и их прапрародители жили в деревне Тебеньково Касимовского уезда Рязанской губернии. О прадеде мне известно немного, чуть больше я знаю о дедушке, довольно много знаю об отце ещё больше и лучше осведомлён о своих братьях, как родных, так и двоюродных, подробнее знаю о сестре.

Итак, мой прадед Симакф Муртаза, родившийся в первом десятилетии 19-го века, всю жизнь жил в Тебеньково. Он имел трёх сыновей: Юсупа, Али и Намуша. В взрослом возрасте все они имели свой дом, своё хозяйство и свою семью. Дом Муртазы находился на южной стороне деревни. Он содержал 8-10 крепких, выносливых, быстроходных лошадей, с ними занимался извозом; обладая необыкновенной физической силой, мой прадед один возил обоз на 8-10 подводах в зимнее время в Москву, Рязань, Муром; обратно. - в город Касимов. Имея достояние, вот он то и поставил на ноги своих детей, построив дома им, создав хозяйство, и определив на службу в Петербурге. Жил он крепким хозяйством. Ведя здоровый образ жизни, он стал продолжателем рода какого-то Симакофа - Симака - Смага...

В зрелом возрасте Юсуп содержал в Петербурге, в районе Апраксина двора, постоянный двор и при нём трактир. Детей он не имел. В пожилом возрасте вернулся в деревню, принял в свой двор родственника Кайбуша. Намуш жил только в своей деревне, занимался сельским хозяйством, которое было чисто потребительским, да и то не обеспечивавшим полностью потребительские запросы семьи. У Намуша была только одна дочь Махира, которая была выдана замуж за Барамая, взятого во двор, принятого за хозяина. Я знал Кайбуша, его детей, жену Наймуша, его дочь и детей Барамая. Кайбуш содержал свой дом в достатке, а Барамай жил в нужде, часто работая батраком, хотя временами он

работал в Симферополе в кухне ресторана при вокзале.

Али, мой дед, родившийся примерно в 1830 году, вскоре после женитьбы на Фатиме из села Болотцы, уехал в Петербург служить старшим конюхом к князю, что могло быть по рекомендации своего старшего брата Юсупа. По истечении нескольких лет безупречной службы у него возник инцидент с хозяином: являясь старшим конюхом, Али правил лошадьми только при личном торжественном выезде самого князя, когда коренником запрягался чрезвычайно нервный, пугливый, до крайности строгий Чалый - чистокровный рысак орловской породы. И вот однажды князь выехал на тройке с коренником Чалым. На Невском проспекте Чалый испугался и пошёл «наразнос»: пристяжные не успевают, Чалый летит во весь дух, придя в неудержимый раж. Князь обязывает кучера остановить тройку, боясь задавить пешеходов. Али не подчиняется, считая невозможным допустить это (в таком случае осаживается коренник, а пристяжные, имеющие только по одной возже, не могут быть остановлены, следовательно, они будут тянуть осаживаемого коренника, который, приседая задней частью корпуса, вынужден упираться задними ногами. В результате чрезмерного напряжения происходит растяжение сухожилий - конь бегать перестаёт). А князь знай своё «осади Чалого, да осади!!!» Дед говорит: «осадить смогу, но он будет испорчен». Повторное «осади» было исполнено. На второй день лошадь встать не могла. Дед мой зашёл к князю и заявил: «Больше служить не могу, Чалого я испортил, уеду домой.

И никакие уговоры остаться у князя не достигли цели. Тогда хозяин подарил Чалого дедушке для разведения хорошего потомства. Дедушка Али занимался сельским хозяйством, вывел отличную породу лошадей-полукровок от Чалого, последнее потомство, которых я знал, - Туркая, Саврасого и Чалого. В осенне-зимнее время он промышлял куплей негодных к работе лошадей и продажей конского мяса.

Дедушка Али был среднего роста, плотно-жилистого тело-сложения, широкоплечим и очень сильным - унаследовал физические качества своего отца Муртазы; он мог поднять любой тяжести коня, если ему удавалось оказаться под его животом и схватиться за ноги. Он унаследовал дом своего отца, а после пожара, уничтожившего все дома в деревне, кроме Намуша и Иштерека в 1880 году построил новый дом на про-тивоположной стороне. Новый дом сохранил прозвище старого - Муртуй, что означало «Муртазинский» - от слова «Муртаза». Уж так повелось у татар: каждый дом имеет прозвище по имени построившего его.

Дедушка Али и бабушка Фатима имели пятерых сыновей: Мухамеджана (мой отец), Валея, Ибрахима, Ахмеджана и Садыка.

Мой отец родился в 1860 году, женился на Айше Таканаевой из села Болотцы. Они имели семерых детей; это Фазлулла, Ганей, Кярим, Хаким, я, Абдрахман и Макинур. Все братья женились, кроме Хакима, имели детей, сестра Махинур вышла за муж за Фатиха Таканаева - сына брата нашей мамы. Все мои дяди были женаты, имели детей - моих двоюродных братьев и сестёр. Сейчас в живых (в 1979г.) из братьев я и Абдрахман из семерых нас, а двоюродных - шестеро из девятнадцати.

Дедушку я помню очень смутно и как-то отдалённо: он посадил меня на воз с зерном и мы поехали на ветряную мельницу, что стояла возле деревни Телеси. И запомнился мне его обоз в этот момент. Широкая белая, как снег, борода закрывала грудь лопатой, седые густые, лохматые брови свисались поверх светло-синих больших глаз; одет он был в камзол, на совершенно белой голове чёрная тюбетейка, - вот и всё, что осталось в памяти от дедушке, когда мне было, наверное, 5-6 лет. Жил он до восьмидесяти лет.

Бабушку Фатиму я помню хорошо. Она была среднего роста; смуглая лицом, с горбинкой нос, всегда поджатые тонкие губы, суровый взгляд карих глаз, вся энергично оживлённая – это придавало ей властность и строгость. В действительности она и была такой. Это качество дополнялось незаурядным умом, спокойной рассудительностью и категоричностью в своих поступках и повелениях. Она удивительно удачно и мирно умела регулировать взаимоотношения среди всех членов семьи, включая нас, ребят. Поэтому в нашей семье всегда был мир, спокойствие и взаимное уважение. После смерти дедушки бабушка Фатима стала главой семьи: все ей подчинялись - дети её, снохи, внуки, внучки и правнуки. Её справедливое отношение ко всем, мудрые советы и приказания поставили бабушку главой семьи - по сути дела матриархом. Все любили, уважали и с любовью подчинялись ей. В домашние дела она не вмешивалась, сама любила двор, гумно и скотину, где находила большое удовольствие. Жила она до ста пяти лет. Была необыкновенно крепка здоровьем: до ста трёх лет бодро, живо, охотно занималась работой во дворе, гумне и со скотиной. Умерла в 1930 году.

С юношеских лет дети дедушки разъехались в разные города, где работали по ресторанной части. Отец мой был старшим помощником официанта в ресторане харьковского вокзала, затем дослужился до официанта и вскоре достиг должности старшего официанта. Его брат Валея там же служил буфетчи-ком. Ахметжан в петербургском ресторане был официантом, Ибрахим - буфетчиком в люботинском вокзале. Садык пошёл по поварской части: работал на станции Джанкой в Крыму.

Начальник Южно-Железной дороги Воскресенский столо-вался в ресторане харьковского вокзала; подавать ему обеды доверил он моему отцу, своему земляку (он из деревни Антоново, в трёх верстах от Тебеньково). Вот он, Воскресенский, в 1902 году предложил отцу содержать ресторан при станции Семфинополь. Предложение охотно было принято. Мой отец со своим братом Ахмеджаном, заняв деньги в кредит из банка, с этого года стали арендаторами ресторана в Симферополе.

Маму я совершенно не знаю. Она умерла после родов Абдрахмана, когда мне было полтора года. Не представляю я маму ещё потому, что по законам мусульман после смерти все личные вещи, предметы и т.п. раздаются нуждающимся, а фото-карточки уничтожаются, что и было сделано. Знаю, что она была высокого роста, красавицей на весь округ, работающая, нравом обходительна, добродетельна, весёлая и уступчивая, была нежной матерью, хорошей и заботливой женой и снохой для родителей отца.

После смерти мамы отец женился на вдове Махире из деревни Аджурман -

матери жены брата Ахмеджана (Ашраф). У неё других детей не было. Вот она-то и опекала нас, младших братьев и сестру - Махинур, Хакима, меня и Абдрахмана.

Старшие мои братья - Фазлулла, Ганей и Хаким всю жизнь работали то официантом, то буфетчиком, а то и содержателем буфета; брат Кярим был поваром и достиг должности шеф-повара в лучших ресторанах Харькова; сестра Махинур детей не имела, свою жизнь посвятила мужу и дому, став приветливой, гостеприимной хозяйкой. Младший мой брат Абдрахман в юношеские годы занимался в доме сельским хозяйством, а после службы в армии работал в Харькове заведующим мастерскими по металлообработке Строительного института, в которых студенты проходили практику.

После смерти мачехи Махеры, в 1920 году отец вновь женился на бездетной вдове Шахире из села Болотцы; а после её смерти в 1923 году ещё раз женился на Айше из села Тарба-ево. Отец мой скончался в Харькове в 1933 году, а мачеха в 1936 году в Любани.

Отец мой был среднего роста, статного корпуса, в меру упитанным, отчего лицо казалось несколько вытянутым, но с правильными чертами на смугловатом лице, светло-карие глаза, умеренной полноты губы, густые брови, высокий лоб, умеренной величины усы с приподнятыми концами являли собою достаточно привлекательный вид. Умение владеть своими эмоциями, быть всегда внимательным, ровным и одинаковым ко всем людям, проявлять обдуманные и сдержанные суждения ставили его в разряд авторитетных. Он всегда внешне был подтянутым, аккуратным и хорошо одетым.

В ресторанных делах отец мой занимался, главным образом, административной частью, поэтому у него было много свободного времени, которое посвящалось охоте. Коммерческими делами занимался Ахмеджан-абзей, а торговлю осуществляли буфетчики, обычно доверенные лица из родственников; официантами служили касимовские и тамбовские татары, за исключением двух-четырёх русских, и то из земляков; повара были тоже касимовские татары, и один был русский из деревни Телеша. Были рабочие: кухонные, посудомойки, уборщицы, чайницы. Все получали зарплату, кроме официантов, заработки которых составляли чаевые, что не только обеспечивало содержание семьи и дома в деревне, но и позволяло делать значительные сбережения. Все дети отца после окончания школы приобщались к буфетному делу (включая меня), например, помощником буфетчика, а затем кто-то становился официантом, кто-то поваром (кроме меня и Абдрахмана); дети же Ахмеджан-абзея возрастом не доросли до этого пока ресторан содержался двумя братьями...

Я, как и все другие дети моих родителей, родился в деревне Тебеньково в 1904 году, когда шла русско-японская война.

Следовательно, Тебеньково - моя Родина. Но не только потому, что я там родился, а и потому, что я там рос, развивался и впервые начал познавать мир, осознанно чувствовать радость и увлечения; формировались характер, привычки, интересы; здесь я постепенно с чувством удовлетворения приобщался к труду, начиная от действий помощника до основного работника

большой численности семьи; со временем возникали цели, за-дачи и тяга к чему-то отдалённому; рождались влечения и любовь к девушке, вселявшие в душу сладостные мечты, грёзы и надежды; приходила также любовь уважительного порядка к семье, людям, предметам собственности дома, окружающей при-роде. В деревне Тебеньково происходило моё становление Человека. Следствием всего этого рождался патриотизм к уезду, губернии, стране: ведь если бы не было их, не было бы и Те-бенькова; значит, не было бы и меня, поскольку мои родители и их предки произошли именно оттуда. Таким образом через мою деревню Тебеньково Родиной стала для меня наша страна, соз-давшая мне и моей семье благополучный образ жизни. Всю жизнь я стремился и сейчас стремлюсь туда, на мою малую Родину - в Тебеньково...

Конечно, это толкование о Родине - моя точка зрения. Мне думается, что понятие Родина не обязательно должна включать в себя все эти составляющие: для каждого человека они свои.

Раннее детство.

Раннее детство прошло у меня в семье отца с мачехой и младшего брата отца Ахмеджана в городе Симферополь. Нас было трое младших детей отца - Хаким, я и Абдрахман; у Ахмеджан-адзея с Ашраф-дженгей имелось пятеро детей - Амина, Умар, Усман, Шамиль и Алима.

Отец и Ахмеджан-абзей содержали ресторан 1-го и 3-го класса при вокзале станции Симферополь, в летнее время - в сезон курорта, - ресторан в Алуште. Вот в такой обстановке и многочисленной семье я жил до восьми-девяти летнего воз-раста - до отъезда в деревню, когда наступила пора учиться в сельской школе. Мы, трое братьев, жили, по-сути дела, на правах сирот, поскольку наша мачеха Махира была бабушкой детей Ашраф-дженгей. Мачеха наказывала нас за всякие мелкие проступки, считая их большой провинностью. Правда эти на-казания были своеобразными, безобидными: без телесного, без ругани, а в некотором отношении - даже желанными; просто-напросто водворялись в тёмный чулан, где всегда имелось что-то сладкое, чем можно было в волю поживиться: вареньем, пря-никами, пирожным, фруктами, конфетами. Наказания сносили терпеливо, лишаясь прогулки, игр, свободы - с моральным ос-корблением. Что же поделаешь, уж так повелось: мачеха всегда мачеха, всегда чужая пасынкам, а в нашем случае это отношение усугублялось ещё тем, что наши «противники» являлись её родными внуками; вследствие чего при «разборе» наших конфликтов она становилась на сторону своих любимчиков. В «мир-ный» период, мачеха проявляла к нам ровное отношение, за-ботясь о нашем здоровье, питании, одежде и проч.

Наша мачеха и её дочь Ашраф-дженгей всячески старались оберегать своих малышей, которые были моложе нас; и наше мирное поведение с ними давало нам вознаграждение - сла-дости и сказки. На сказки была охотницей и мастерицей Ашраф-дженгей. Часто она совершала с нами прогулки.

Под её предводительством мы гуртом любили ходить в ресторан вокзала, где нам давали поесть что-нибудь вкусненькое: мороженое, пирожное, апельсины и

т.д. А главный наш интерес в таких походах заключался в желании посмотреть на те огромные пирамидальные тополя, осоки, кипарисы, которые густо росли вокруг привокзальной площади, чтобы решить, на каком дереве вчера была война, войска какого дерева победили, поскольку вчера спор об этом не был решён... Мы жили совсем неподалёку от вокзала. Наш арендованный дом находился первым на улице со стороны вокзала, построенный из больших блоков жёлтого ракушечника. Он имел очень большой двор, огороженный такими же блоками, что и дом, с неизменным в Крыму битым бутылочным стеклом на своём гребне - мера предосторожности от воров. Вокруг забора с его внутренней стороны выросли высокие тополя. Двор был пуст. Играть нам можно было во что мы хотим.

Вот на эти деревья, то на привокзальные, то на наши поздно вечером неведомо откуда и неизвестно почему во множестве слетались галки, грачи и вороны. Их загадочное забавное поведение интересовало нас, интригуя: мы переносились то в сказочный мир, то в свои детские игры, выдумывая из нас шестерых-семерых каждый свою историю. Мне тогда было лет пять, а может и того не было. В весеннее и осеннее время, сидя кто на чём попало возле дома, от сумерек до темноты с каким-то особым увлечением мы наблюдали за тем, как та или иная птица прилетала на наши деревья - крепости или привокзальные. Каждая из них раз навсегда была присвоена кем-то из нас. Чья птица-солдат садится сразу и удачно, а чья-то не может этого сделать. Эдакие наблюдения нередко приводили нас к спорам, а иногда и к ссорам между собой, почти таким же, как и у этих неужитчивых пернатых. Они вечно о чём-то спорили с отчаянной яростью, неугомонным шумом: все кричали, передивая друг друга. В отличие от нашей ссоры, у них она перерастала в бесцеремонную драку, чтобы доказать своё право на гнездо, удобную для ночлега ветку или развилку. Вот этим своим беспорядочным шумом, гамом, руганью они вызывали и в нас какое-то желание подражать им.

Такое зрелище, овладев нашим вниманием, постепенно переводило наши споры и пререкания в различные домыслы, сочинения небылиц - в мир фантазий - кто на что горазд. Кто-то из нас начинал заступаться за своих птиц-воинов, а другой - за своих, третий - тоже не отставал от других.

- Аха! Мои малые да удалые галки здорово задали твоим грачам. Видишь, как быстро прогнали их из моего кипариса-крепости, - скажет кто-нибудь.

- А вот смотри, как сейчас нашлёпают мои вороны-богатыри твоих галок-забияк. Им больше не будет повадно чужую крепость занимать, - похвастает другой - предводитель галок.

- Ну, мои-то грачи смирные, они чужого не забирают; наоборот, они своё кушанье уступают всем, и вовсе ваши зря обижают их, - подхватит кто-нибудь.

- Мы ни за что не пустим вас, галок, в наш дом-крепость. Вы только и знаете кричать, галдеть, да драться, чтобы прогнать нас из нашего дома. Пусть волки съедят вас. Вы попрыгали в густых ветках кипариса, ночь тёмная-претёмная, а голодный волк учуял вас. Понюхал

он своим длинным носом и нашёл ваш дом. Ползёт он тихо, осторожно, глаза горят огнём, а твои глупые галки думают: это светлячки. Он ещё ближе к ним, и чудится ему что-то вкусное, даже слюни потекли.

- А мы раз, и... перелитим вон на тот самый толстый, высокий тополь-крепость. И волк не...

- Не-ет! Эта крепость наша, - вмешивается к спорщикам третий.

- Ну и что ж? Ведь она пустая, вот мы её и займём, - говорит четвёртый из-за солидарности со вторым.

- Нет, не дадим. Она у нас в запасе. Мало ли что может быть...

- А мы объявим вам войну. Правда, вы, вороны, за нас? - спрашивает офицер галок.

- Нет, мы, вороны, с грачами. Вас, галок, возьмём в плен и запрём вон в ту крепость. За вас заступаться мы не будем: вы вечно поднимаете галдёж, драку, всегда вам чего-то не хватает, - замечает четвёртый из нас. И добавляет:

- А что бы вы нам дали, если мы вам поможем своими солдатами?

- Ну... дадим вам...

Вот так, как все дети, мы уходили в мир сказок, сочиняя их своим детским воображением.

Вечерело, всё больше и больше наступала темнота. А мы всё сидим и наблюдаем за приготовлением к ночёвке наших птиц. После продолжительного шума и гама, частой потасовки, порядочно устав от всего этого, или уж в конце концов порядком надоело им галдеть - кто их знает - с наступлением большей темноты разноплеменные птицы постепенно начинали умерять свой пыл неуживчивости, ворчливости. Время проходит. Всё меньше и меньше становятся драки, слабее и слабее слышится разноголосица споров и ругани между нашими войсками. Проходит ещё некоторое время. И на какие-то минуты наступает полное спокойствие: всё затихает, и мы будто... оказываемся где-то в другом, непривычном месте - так сильно были вовлечены фантазией в мир птиц. Сидим молча... И вдруг взгляд улавливает, как наши деревья-крепости увешаны разными птицами, отчего сознание возвращает нас на твёрдую землю. И мы тоже успокаиваемся. Птицы уснули, пора и нам домой. Но вдруг неожиданно как заголят, как все в один миг разлетятся в разные стороны, выражая отчаянно и громко свой испуг или плач. А потом тут же, боясь летать в темноте, начинают с большой осторожностью облеплять те же деревья, на которых только что они спали. Постепенно дикие крики затухают; и наконец-то кое-как водворяется полная тишина. Теперь в темноте все расселись быстро и без лишних споров - уж не до жиру, быть бы живу, а то можно остаться и без места, - придётся лететь на другое дерево. Проходит ещё несколько минут, наступает скорая южная темнота ночи. А мы всё сидим: ждём какого-то нового представления. Знаем - вот-вот оно наступит. И, наконец, наступает... Какая-то поздно загулявшаяся птица, считая, что ей всё позволено, бесцеремонно села на ветку, увешанную сородичами; и от неожиданности, спящие на этой ветке попадали на спины нижеспящих. Поэтому: «Караул! На нас напали! Спасайтесь!». Вот это волнение особо зрелищно. Его-то мы всегда ждали с нетерпением. Всегда нам бывало весело и всегда хотелось много раз

полюбоваться этим случаем и не хотелось идти домой.

Вновь детское воображение уносит нас в мир сказок

- Аха! Это серый волк добрался до твоей галочьей армии. Вот твои солдаты трусишки и разбежались во все стороны, а многие валяются там убитые, под тем тополем у привокзальной площади,

- скажет, бывало, пятый наблюдатель. - Да разве волк может лазать по деревьям?, - возражает вождь

галок.- Нет, не может. Но он пригласил своего друга - разбойника Али-бабая. Вот он-то с кинжалом во рту и полез к твоим трусишкам.- Да-а! Они все не трусишки, а герои. Это твои...

- Ну ладно, перестаньте спорить; давайте сделаем так: завтра пойдём туда, к вокзалу, и посмотрим, что произошло сегодня, - скажет самый старший из нас, брат Хаким или Ариф, сын дяди Ибрахима. Они были затейниками наших игр, сочинителями сказок.

Вот, пожалуй, из более значительных событий раннего детства, «война» наших птиц осталась в памяти. Думается мне, что мой возраст не превышал четырёх лет - может быть, тогда было около пяти. Тоже к числу оставшихся в памяти с самого раннего детства воспоминаний являются «наказания» чуланом, и то, как я ехал в обнимку с дедушкой Али-бабай на возу с зерном на мельницу. А вот с какого возраста воспринял я образ папы, бабушки, старших братьев и других, не знаю. Неизвестно потому, что их образы не были пресечены в период моего детства: я их знал долго, - до юношества и зрелости, также поэтому не могу сказать, когда и как я познал сам себя, окружающую среду, предметы дома и т.п.

В весеннее время, когда отец и мачиха из Симферополя уезжали в деревню, - они брали с собой и нас - Хакима, меня и Абдрахмана. Ехали мы отдельно в купе первого класса; на станции Курск отец покупал всегда жареного гуся, и мы полкчали большое наслаждение. В Рязани садились на пароход, и мы шли более суток, находясь в каюте первого класса. Плыть на пороходе для нас было большое удовольствие; сидя на палубе, мы чувствовали непрерывное изменение впечатлений, любовались виденным, возникал интерес к тому, что мы увидим впереди. На каких-то пристанях папа покупал вкусную рыбу (это, оказывается была стерлядь), которую он отдавал повару кухни для приготовления обеда для всех нас. Пароход доставлял нас до города Касимов, где встречала нас бабушка Фатима. От пристани приезжали на своих лошадях в деревню Тебеньково. Погостив некоторое время, уезжали обратно в Симферополь.

Хакиму исполнилось около десяти лет, а мне восемь - наступила пора учёбы в школе. Поскольку в Симферополе не было школы, обучающей детей на диалекте касимовских татар или казанских татар, то нас, как и старших братьев, отправили учиться в деревню под опеку бабушки. В это время в деревне семья состояла из девяти человек: бабушка, сестре наша Махинур, Хаким, я и наша тётя Фазылла - вдова дяди Валея - с детьми (Абдулла, Наима, Мадина и Махуся). Бабушка вела сельское хозяйство, применяя наёмный труд - нанимая Григория Бусыгина из деревни Алёшино.

Детство.

Итак, мы - брат Хаким и я - в деревне. В нашей деревне Тебеньково школы не было - она мала, учеников не превышало пяти-шести. Мы ходили в школу соседнего села - Царицыно (Бьюмсала), где в середине главной улицы была низина с ручейком, от которой дугообразно на её склоне расходилась вторая улица (Старый айма,э) домов на двадцать. Вот здесь-то, в этой низине и находилась четырёхклассная школа, некогда построенная городским богачём Кастровым. Она выстроена из красного кирпича в одноэтажном исполнении и состояла всего из двух комнат: маленькая - квартира учителя, а большая, квадратов сто - сто двадцать аршинов - общий класс для всех учеников школы.

У меня, как и у всех детей процесс подготовки к школе, переход её порога в первый день были как-то особенно волнующими, испытанием какого-то нового возвышенного чувства. Мачеха Махира прислала нам посылку, которую задолго ждали с большим нетерпением. Каждому из нас, мне и Хакиму, всё было прислано одинаковое и поровну: ранец кожаный с короткой шерстью снаружи, карандаши простые и цветные, краски, резинки разные, тетради, ручки, перья, костюмы, обувь и деньги для покупки учебников; там же были наши любимые шоколадные «бомбы», обёрнутые «золотой» фольгой с фарфоровой игрушкой внутри.

Я пошёл в школу одновременно с Хакимом, который был старше меня почти на два года. Ему пошёл девятый год, а мне исполнилось семь лет. Между прочим, это - метод отца по обучению своих детей: так вместе пошли мои старшие братья Фазлулла и Ганей, брат Кярим и сестра Махинур в царицынские школы (девочки обучались отдельно) - старший поможет младшему.

Одетые во всё новое, с ранцами за спиной мы пошли с бабушкой в первый день. Шли мы два брата, не чувствуя земли под ногами, думая, что все, и наши тебеньковские, и царицынские, с восхищением смотрят только на нас; мы шли так быстро - не заметили, как дошли до школы, которая отстояла от нашей деревни на расстоянии более версты. отворив дверь, перешагнули её порог правой ногой - предзнаменование удачи, счастья, добра.

Наш Сабир-муаллим (учитель) - выходец из казанских татар, был начинающим в том году учителем-наставником, только что получившим в Казани соответственную подготовку. Он был лет двадцати пяти, среднего роста, стройного телосложения, всегда уравновешенного характера... Спустя много лет после окончания школы я осознал его исключительную способность и и неутомимую трудоспособность, преданность своей обязанности быть настоящим учителем и наставником в преобретении не только программы, но и многого дополнительного.

Занятия он проводил спокойно, телесных наказаний обычно не применял, чем отличался от других учителей, доходчиво и умело втолковывал уроки, умел интересно рассказывать, что называется познанием мира. ... Наш Сабир-муаллим отлично умудрялся один проводить занятия в одной комнате одновременно со всеми четырьмя классами. Это он делал так: первоклассникам

задавал урок (писать буквы, цифры, списывать слова), у второклассников слушал чтение сказок, молитвы, историю ислама, деяния пророка Мухаммада); третьему классу успел уже продиктовать задачи по арифметике; четвёртый по его указанию - учит, вернее зубрит суру из карана на абстрактном языке. Между этими заданиями и занятиями, он успевал спросить урок, выполнение заданий, проверить решение задач.

Сабир-муаллим относился строго к исполнению своих заданий и уроков, был он требовательным в отношении дисциплинированности и поведения на уроках, в то же время был безукоризненно справедливым к ученикам, взыскательным к своим собственным поступкам. Много позднее также мне стало ясно и то, как он в отличие от многих других учителей, искренне любил нас, бескорыстно старался научить нас многому. Помимо официальной учебной программы - изучение корана, история распространения ислама, зубрёжка молитвы, правила религиозных отправлений, законы шариата, арифметика - он много давал нам дополнительных знаний из области географии, путешествий, истории развития человечества, вводил в свои рассказы и природоведение, и в упрощённом виде объяснял кое-что о небе.

Особенно интересными для меня были его рассказы о том, как и где живут люди разных рас, наций и религий, как люди жили когда-то в далёкую старину; очень любил слушать об явлениях природы и взаимной связи между ними. И, пожалуй, самыми увлекательными были его объяснения о небесных телах: что такое луна, планеты, звёзды, солнце. Помнится мне, как он упрощённо, вероятно, желая втолковать в наши неподготовленные для понимания головы понятие об атоме, говорил: «Атом - это такая невидимая частичка, которую ты не можешь сделать меньше. Представьте себе: вы взяли зерно, разрезали его пополам, половину ещё разрезали пополам, потом эту половину тоже разрезали пополам, затем опять... опять, опять и т.д. Так вы разрезаете частицы зерна бесконечно много раз всё пополам и пополам. И вот, когда вы уже не можете разрезать ещё на две части опоследнюю частицу не только самой острой бритвой, но даже мысленно не можете, - это и есть неделимая частичка, называемая атомом». Уже много после, вспоминая эти объяснения учителя деревенских детей в начале второго десятка XX века, мне думалось: неужели он знал Демокрита, который давал толкование об атоме: «Делить частичку, делить - делить без конца... Наступит неделимое, это и есть атом». За всё это мы любили его беззаветно; в учении он был для нас первым человеком в мире; он служил нам примером подражания. Мы, в свою очередь, были уверены в том, что он нас тоже так же любит, как мы его. Програмные поучения он проводил в обеденный перерыв (2 часа), когда мы, тебеньковские, не расходились по домам и некоторые царицынские оставались в школе. Это Исмаил Дуймакаев, Шакир Кузахметов, Ариф Симаков, Арыслан Давликамов; и нас, тебеньковских, четверо. Вот так создавалась произвольно группа, постоянно любившая с увлечением слушать учителя об интересном. Иногда такую кружковую работу Сабир-абзей проводил после занятий, на них слушателей бывало значительно больше, а то и весь класс. Иногда наш учитель, бывало, скажет: «Ребята, вот по этому списку выбирайте себе книжки и, подсчитав, сколько это будет стоить,

завтра принесите деньги. Я пошлю письмо в Казань с вашими заказами и переведу собранные от вас деньги. И через несколько дней мы получим посылку с книгами». Мы выполняли его предложение с большим желанием, а ещё с большим нетерпением ожидали получения заветной посылки. наконец наступало то жданное время, когда учитель объявлял: «Извещение пришло, завтра поеду в город за посылкой». Сколько бывало радости у нас в день раздачи наших книг, в день исполнения долгожданной мечты увидеть эти дешёвенькие небольшие книжонки! Сабир-муаллим наставлял нас: «Каждый из вас, как только прочтёт свою книгу, временно обменяйтесь с другими, а потом, мне хочется, чтобы вы сдали свои книжки мне. Я из них создам школьную библиотеку; пусть порадуются этим книгам и другие ученики».

Всё значительное - пусть это хорошее для тебя или плохое - не забывается долго или никогда - уж так устроен человек. Спустя шестьдесят пять лет всё это хорошее вспоминается добром о первом учителе жизни Сабир-абзее. Помниться с благодарностью и то, как наш учитель убеждённо доказывал нам необходимость дальше учиться, приобретать образование. «Ваши родители в состоянии обучать вас в городах, - говорил он твёрдым тоном, - но почему же они не делают этого? Надо учиться! Старайтесь убедить в этом своих родителей». Сабир-абзей, как и все другие учителя, был строг в отношении зубрёжки корана - законов Божия и Мухаммада. Но потом, когда я стал взрослым, мне думалось: это было у него напускное, не было искренности в этой строгости. Дело заключалось в том, что нередко в нашу школу заглядывал Али-мулла, который имел особую страсть спрашивать у школьников знание наизусть суры из корана. Радивых в этом учении он хвалил, награждал чем-то вкусным, говоря: «Это из священной Меки» - финики, инжир, изюм. А за плохое чтение суры корал выговорами, вроде: «Ты ахмак, лентяй; за что Аллах тебя накажет на том свете». Конечно, всем было лестно получить похвалу муллы, да ещё дары от святыни пророка Мухаммада! Вот мы и старались зубрёжкой изучит суры (стихи) корана на память. Но это чрезвычайно трудный урок. Дело в том, что читать коран правильно очень трудно: каждая буква слова имеет имеет знак ударения, глухое или звонкое произношение, громкое или тихое подчёркивание и соответственное изменение интонации самого слова. Ко всему этому следует добавить, что коран написан по-арабски, и он не снабжён ни переводами, ни комментариями. Значит, читать так написанное и при том не понимая смысла ни одного слова - дело, конечно, трудное, а выучить наизусть - тем более. Изучение наизусть суры требовало или одарённости слуха, или, во всяком случае, что-то близкое в этом роде. Я же страдал отсутствием не только этих данных, но и не обладал даже чем-то приближённым - значение звука трансформируется в смысл с некоторой задержкой времени. Поэтому с кораном у меня дружбы не было, хотя я очень старался постичь премудрость хорошего чтения. Всю жизнь и петь не мог.

Мне очень хотелось быть в числе любимчиков Али-муллы, имевших отличные способности наизусть читать коран. Это мои одноклассники: Исмаил Дуимакаев, Шакир Кузахметов, Абдрахман Давликамов, Абдулла Давлицаров, Умар Акмаев, они в окружении всеобщего уважения односельчан. Они

неизменно назначались в период уразы (месячного говения) читать наизусть в мечети сложную суру на последнем (пятом) молебне дня. Читали они хором вдвоём или втроём. Это было по сути дела пением разными голосами: складно, мелодично и очень приятно; так что слушатели восторгались и приходили в умиление, это не только те, кто усердно молился в мечети, находясь в коленно-преклонной позе, но, главным образом, и те, кто находился за пределами мечети - женщины и девушки (по законам шариата им запрещалось входить в мечеть). Эти мои сверстники были счастливы похвалой Али-муллы. Ещё бы, ведь он являл собой высочайший авторитет у прихожан, всего населения села и далеко за его пределами в округе. Он был возведён в культ безупречности, непогрешимости в отправлении богомолия. Он дважды совершал полонничество в Мекку (место рождения Мухаммада) и Медину (место захоронения Мухаммада) - святыни ислама в Саудовской Аравии. Благодаря двукратному полонничеству Али-Мулла приобрёл сан ханжи с правом носить зелёный чапан и чалму. Среди прихожан утвердилось мнение, что он знает коран наизусть от корки до корки (около двух тысяч страниц); был признан праведным судьёй: благодаря своей рассудительности он мог найти единственно правильное решение в любых житейских тяжбах, самых запутанных спорах; слыл самым умным толкователем законов шариата ислама (правовые учения пророка Мухаммеда). Действительно, был он безукоризненным аскетом в быту, самым скромным в обществе. Всё это дополнялось его внешней импозантностью. Был он высокого роста, крепкого телосложения, лицо имел большое и несколько удлинённое, высокий лоб, чисто выбритые щёки от висков до челюсти, посеребрённая клинышком борода, с проседью густые усы, обрезанные над губой, лохматые, с кучерявостью брови, упрямый разрез рта в прямую линию умеренно толстыми губами и строгие, пронизывающие насквозь, крупные серые вдумчивые и спокойные глаза, придававшие его облику печать ума, твёрдости характера и какого-то внутреннего обаяния. А приятный баритон, удачные интонации, логичность в суждениях, говорили не только о том, что он повидал свет, прошёл тернистый путь, но и о том, что человек он одарённый Аллахом мудростью, знанием и справедливостью. Так говорили взрослые.

Действительно ли наш мулла был таким или нет, но нам он, доверенный Аллаха, представлялся таким. Я не знаю, действительно ли он знал коран наизусть, был праведным судьёй и прочее, но я точно знал: из корана, суры в 20-30 страниц он читал наизусть. Особо запомнились его торжественные чтения корана в праздники Рамазан и Курман. Бывало, мечеть ломится от издытка богомольцев, а вокруг неё в ограде - татарки и обоего пола русские из города. Они пришли послушать службу муллы Али. Он отлично сочным, бархатисто-мягким баритоном, с особым торжеством пел одну суру за другой; пел их на разные мелодии и каждую с особой интонацией. В мечетим и вокруг неё - полная тишина торжественности, у всех возвышенно смиренное чувство очищения души татарской.

У меня, бесталанного хорошо читать коран, вышел курьёзный случай на экзамене по случаю окончания школы - четвёртого класса... Мы знали, что Али-

мулла будет присутствовать на экзамене и заставлять читать из корана.

Дошла моя очередь подойти к столу, за которым сидел наш учитель Сабир-абзей, Али-мулла и кастров, опекавший школу, известный всему округу богач касимовский. Али-мулла произвольно открывает страницу корана и, показав на суру, говорит: Ну, читай вот это». Страница корана закрывается. Я отчеканил две страницы без единой запинки. Мулла похвалил меня, сказав учителю: «Спасибо вам за хорошую успеваемость ученика». И дал ему пятирублёвую золотую монету - второй приз (он на каждом экзамене давал учителю одну золотую десятирублёвую монету - первый приз и две монеты пятирублёвые - вторые призы). Мой успех показался всем неожиданным, кроме муллы и Кастрова, а что касается меня, то он был вполне уместным. Дело заключалось в следующем: наш сосед, Левашов Валей, только что возвратился после полонничества в Мекку, и рассказал тебеньковским о том, что муфтий в Арабистане при молитве рекомендует читать новую суру при последнем, пятом, неамазе, якобы им обнаруженную в записях Мухаммада. Вот эту суру моя бабушка и заставляла читать ежедневно по нескольку раз, чтобы она, абсолютно безграмотная, могла запомнить её, взяв на слух. Разумеется, ко времени экзамена я не мог не вы зубрить эту суру.

... В школу и обратно мы все ходили вместе: нас, мальчиков, было четверо - Хаким, два Исмаила и я, а девочек было только две: Камар и Банай. В школе находились мы с девяти часов утра до шести вечера, сельские ребята расходились по домам на обед, а мы, тебеньковские, довольствовались в школе тем, что Бог послал: бутылка молока или сладкого чая, хлеб с маслом, яйцо, умись (домашняя сдоба), кусок пирога. и т.п.

Суровая погода зимой - метель, буран, большой мороз - нас всегда радовала. В такие дни за нами приезжал на нашем туркае дядя Гриша Бусыгин, работавший в нашем доме по найму много лет (успевший за это время выучиться говорить по татарски безо всякого акцента). И мы весело набрасывались в сани-розвальни, а вместе с нами и сельские мальчишки, образуя «кучу малу». Семенит наш Туркай толстыми ногами, и не поймёшь, - идёт ли он второпях шагом, бежит ли мелкой тихой рысцой: идёт себе спокойно трусцой и только, вроде бы и торопится, но совсем тихо и медленно. При таком беге царицынским ребятам было совсем не трудно соскочить из саней возле своих домов. Мы же едем, мёрзнем и, балуясь, соскакиваем на дорогу, чтобы бегом погреться немного. И совсем другое дело, когда дядя Гриша приезжал за нами на Маруське, запряжённой в лёгкие санки. Вот тогда нашей радости предела не бывало. Она доставляла нас домой в один миг, за одно дыхание, ибо такой лошади, бегающей быстрее ветра, летающей скорее птицы, не было во всём округе. Она была резва, горяча, до крайности нарвна. Стоило чуть-чуть только отпустить вожжи - она, как пуля, бросалась в полный ход; тогда смотреть вперёд бывало нельзя: ветер режет лицо, глаза слепит снегом, а в ушах сплошной шум: дробный, будто бой барабанный, от ударов комьев снега, разлетающихся из-под копыт на передок санок; Маруська мчится во весь опор, ускоряя свой бег с каждой секундой. Нам немного страшновато от токой быстроты, но зато весело и любо смотреть, как Маруська бежит иноходью. В

этом случае, в отличие от Туркая, царицынские не садились не только потому, что им не хватало места в лёгких малых санках, но они бы и не успели на полном ходу соскочить.

На Чалом ехать за нами бабушка не разрешала дядя Грише: конь был весьма строг и пуглив - мог разбить нас.

Четырёхклассную школу я окончил за три года с похвальной грамотой в 1915 году.

Забавные занятия.

В школьные годы мы, как и все сельские ребята в таком возрасте, занимались забавными играми, немало выдумывая их сами.

Обруч железный. Его брали из кадки цилиндрической формы, чтобы его окружность по кромкам была одинаковой. Такой обруч катится послушно в желаемом направлении и по любой местности: по тропинке, колёсной колее, конской дрожке. Катали наперегонки, часто ударяя палочкой. При этом каждый из нас представлял себя какой-нибудь знаменитой лошадью; я неизменно бывал то Маруськой, то Чалым. Такое соревнование хорошо развивало в нас резвость бега: ведь каждый хотел быть первым, чтобы заслужить признани, лучшим бегуном среди сверстников и похвалу взрослых.

Чижик. Предмет игры - кусок палочки круглого сечения, толщиной с палец, длиной в два пальца; один конец палочки заострялся на конус, другой срезался косо. Второй предмет - бита, круглого сечения, длиной с руку, толщиной в обхват большим и указательными пальцами. Такие размеры предметов игры в Чижика стандартизированны были нами самими. Ударом биты по любому концу чижика надо круто поднять его вверх, так, чтобы, когда он, описав пораболу, падал, успеть ещё раз сильно ударить в горизонтальном направлении, чтобы как можно больше напрувить его от старта (старт у нас был в середине деревни - напротив дома Амины). Играют двое, каждый направляет чижика в противоположные стороны. Кто первым забросит чижика на свой конец деревни, тот и станет победителем, значит ему и кататься верхом по набережной до линии старта. Победителю кричат «Ура», а над побеждённым смеются.

Лапта. Она игралась у нас в двух вариантах. Первый такой же как и Чижик, только вместо палочки брался мячик. Второй - с тем же мячом играли две команды. Один из игроков одной команды сильным ударом мяча об землю старается как можно выше поднять его вверх, и в тот же момент вся команда быстро убегаёт до условленной черты. Кто-то из противоположной команды должен поймать мяч и попасть по убегающему, который ещё не достиг черты. Так чередуются обусловленное число раз. Побеждает та команда, у которой оказалось меньше «убитых» солдат. Побеждённая команда на себе катает победителя.

Игра в Лапту и Чижика, как и с обручем, хорошо развивала физические качества, выносливость и быстроту реакции.

Футбол, летние коньки. В 1913 году приехал на отдых мой брат Ганей-абзей. Он привёз нам футбольный мяч, роликовые коньки и гоночные лыжи. Лыжи были особые: они имели пружинное устройство, помогающее приподнимать пятку в тот момент, когда нога находится в положении движения вперёд. Вот эти коньки и лыжи использовались нами по очереди всеми ребятами. На коньках катались кое-как на тропе и более быстро на настиле пещего перехода через нашу речку Мудровку. Брат научил нас правилам игры в футбол. Чтобы составить команды, у нас не было нужного количества ребят, поэтому игра проходила своеобразно, с собственными выдумками.

Лук. Лук и стрелы для него делали сами. Устраивали соревнования на дальность полёта стрелы, на попадание в цель. Играли и в войну с луками, стрелы которых в такую игру затуплялись, при этом применяли «пистолеты», стреляющие рябиной из пустотелого ствола бузины.

Война. Она происходила у нас с алёшкинскими мальчиками у речки Макаровка - на естественной границе владений деревень Тебеньково и Алёшино. Поводом и началом объявления войны бывало оскорбление наших национальных чувств. Кто-то из нас, мальчиков, сходит в Алёшино, например в лавку к дедушке Егору, сапожнику Костину или половить рыбку в Макаровке. Уличив такой момент, алёшинские мальчики и провоцировали нас на войну с ними: загнув полу одежды в свиное ухо, они хрюкали по-свинячьи и дразнили: «Татарин лапоухий, покушай свиное ухо. Конечно, такое кощунство над чувством праведного мусульманина никак не могло оставаться без наказания. И мы объявляли им войну. Набивали в карманы своих рубашек яблоки и шли воинственно по своей территории, отыскивая противника в кустах по ту сторону границы. Мы задирались разными оскорбительными возгласами. Долго искать не приходилось, у них терпение быстро кончалось; они выскакивали из хорошо замаскированных мест и начинали кидать в нас картошкой, мы - яблоками. Пока идёт война, малыши снабжают нас оружием. Кончается у нас запас, противник прекращает войну, предлагает мир. Война прекращена. Мы идём гордо, считая себя победителями. А наши добротные яблоки - отличный трофей для противника... Вот уж воистину так, как говорится, голь на выдумку хитра: ведь у них садов не было, а у нас не хватало смекалки разгадать их хитрость.

Как известно, во всех делах и во всём всегда должен быть старший, вожак, руководитель. Вот таким вожаком ватаги мальчишек в нашей деревне оказался я. Это, очевидно, произошло отборочным путём. Во-первых, я был по возрасту старше всех (13-14 лет. Брат Хаким уехал в Симферополь); во-вторых, многие предметы игр являлись моей частной собственностью (лыжи, коньки, мяч, городки); в-третьих, мои салазки, обруч волей чего-то оказались лучшими; в-четвёртых, наша семья считалась более богатой, чем семьи моих товарищей (я делился с ними всякими сладостями чаще и больше, чем они; в-пятых, в плохую погоду ездили из школы домой чаще всего на наших лошадях. Вот во всём этом наше неравенство, очевидно, и выдвинуло меня в вожаки среди моих товарищей. Мне думается, что, по всей вероятности, это было так, поскольку у меня не было никогда тщеславия, никогда не проявлялся карьеризм, никогда я не старался выдвигаться на передний край, никогда у

меня не возникало желания показать себя...

Со временем у меня выработались соответственные навыки на роль жожака. Ребята меня слушались, никогда между нами не возникали конфликтные ситуации. Я к ним насилия не применял. Как-то всё делалось по согласию, убеждением, уговором. Бывало, достаточно мне было выйти утром на улицу, как тотчас со всех сторон собирались ко мне ровесники. Тут же я устанавливал распорядок дня: сейчас пойдём купаться, потом сбегает в Земский овраг за ландышами с обручами, до обеда поиграем в чижика; после обеда вновь купаться и загорать, а после будут городки. Другой раз: искупаемся, затем пойдём в Даргазинский овраг за орехами, а после обеда - в Булаев бор по грибы. Третий раз: после купания ходим в лес Некрасово по ягоды и т.д. В зимнее время назначалось: кататься на салазках с горки, играть в бабки с плитой. Плитой мы называли чугунное литьё величиною с ладонь; её нижняя сторона представляла собой хорошо отшлифованную поверхность с небольшой сферичностью, чтобы скользила далеко, а наружная поверхность снабжена какой-либо фигурой животного, птицы и т.п.

Салазки. Они у нас бывали двух видов: одни покупные, другие самодельные, называемые почему-то дерзиной. Её делали так: с наступлением морозов брали непригодное для своего назначения решето, с лопатой в руках ждали, пока корова не наложит полужидкую «лепёшку»; ею и намазывали наружную сторону решета, придавая ему немного сферичную форму. После того, как масса замёрзнет, её обливали водой в несколько приёмов. Таким образом к хорошо прилипшей и застывшей массе прочно приставал лёд. Получалась быстроходная дерзина, скатывалась с горы, вращаясь вокруг своей оси.

Салазки у нас были прекрасные! Их делали коростинские крестьяне-ремесленники, которые в город на базар ездили через нашу деревню. Вследствие этого наши взрослые имели преимущество в выборе лучших салазок.

У всех нас были хорошие салазки. Мне их выбрал дядя Гриша, и выбор он сделал очень удачный! И они являлись для меня самым любимым предметом из всех имевшихся для других забавных игр. Они катали меня быстро и далеко.

Деревенские салазки того времени представляли точную модель грузовых саней настоящих - розвальней. Делались они так: полозья - полусухие стволы молодого дуба без единого сучка, при высыхании они уменьшаются в сечении, благодаря чему копылья крепко зажимаются в своих пазах; изголовье полозьев загнуто в комле в правильный полукруг, и для лучшего скольжения они строганы на одну четверть, не допуская выхода концов волокон против движения салазок, а немного наоборот - скольжение отличное только при такой обработке полозьев. Копылья делались из сухого комля берёзы, которые не дадут усадки и обеспечивают надёжную прочность. Вязы для соединений противоположных копыльев - сырой красный тальник, который по мере высыхания сильно сжимается вокруг них и тем самым придаёт устойчивость полозьям от боковой качки. А чтобы не было продольной качки, верхние части копыльев укрепляются соответственным образом надкопыльниками - узкими

дощечками, на которых выдолблены гнёзда. Изголовья полозьев так же, как копылья, обвязаны между собой сырым тальником и стянуты им же к подкопыльникам... Нельзя не заметить, что в этом простейшем ремесленном изделии всё было сделано мудро, отлично осмысленно и предельно рационально: уж такова смекалка русского крестьянина, наученного суровой жизнью.

Такие салазки я сам дооборудовал на манер настоящих розвальней. Это было сделано так: у самого изголовья закреплялся брусочек из тонкой древесины с запуском небольших консолей по сторонам, а более широкий - в конце надкопыльников. Каждая сторона консолей соединяется креслом (напоминающим хоккейную клюшку). В таком случае нижний конец кресла не царапает снег, а скользит на изгибе, если санки идут по глубокой колее. Вязы отделяются прутиками тальника в форме плетня; кресла обвязывались зигзагообразно толстым шпагатом с вязами и сплетались также лозами из тальника. Салазки настилались пахучим сеном. Теперь уж таких салазков нигде не увидишь. Они делаются в заводском изготовлении из алюминия или его сплавов, они плохо скользят, не дают полного ощущения катания по снегу, как в настоящих санях.

Коньки. Зимние коньки были и остались на всё детское время несбыточной мечтой. Наши не покупали их нам из-за боязни, как бы не провалились под лёд. А мы всё же умудрялись делать их сами, научились кататься, спотыкаясь много раз, падали на лёд и ни разу не провалились. Их делали так: лёгкую древесину (обычно липу или ель) обтёсывали на колодку треугольного сечения в поперечнике; на каждой грани распиливали паз, куда туго насаживали кусок железного обруча, конец которого оттачивали на кривизну. И коньки готовы, можно крепить к валенкам.

Начало труда.

В крестьянском хозяйстве, независимо от экономического уровня, мальчики с раннего возраста подключаются к семейно-полезному делу. Начало труда наступает с десяти-одиннадцатилетнего возраста, и обычно начинается с простейших, лёгких, полезно-приятных элементов: не то забава это, не то работа.

Так с десятилетнего возраста началось и моё полезное участие в домашних делах. Все поручения я получал от бабушки... Впрочем, и все остальные члены семьи задания, благословения на свои прсыбы или советы получали от неё же.

Бабушка поручала мне, например, сходить в лес, надрать лыко и сделать из него мочалку на потребу дома; наломать гибких веточек берёзы и связать банные и домашние веники, оборвав листья, из одних прутиков - мётлы для уборки двора и обработки обмолота на гумне; сходить в лес по ягоды и по грибы, а в овранах Даргазина, Мальчикова собрать орехи. Во всех таких случаях я собирал свой отряд мальчишек и ставил перед ним задачу: куда и зачем пойдём сегодня. Все эти виды «работы» исполнялись прилежно и почти

честно, то есть сами на месте сбора мы редко ели ягоды или орехи. Старались собрать много и сделать сборы качественными - в противном случае от бабушки будет серьёзное внушение и нотация. Для неё слов «не могу», «не хочу», «потом», «может быть», «я постараюсь» не существовало. Поэтому вызвать у неё малейшее недовольство для всех членов семьи считалось величайшим позором, а если это и случалось, то бывало, места себе не найдёшь.

... И мы возвращались из леса гордо, с чувством полезно исполненного дела, увешанные вениками и мётлами, или несли полное лукошко грибов, или туесок земляники, голубицы, ежевики, брусники - в зависимости от сезона. Собирал я и ягоды бузины для наведения блеска медного самовара. Летом подметал двор, а зимой отгребал снег во дворе и перед домом на улице, для чего был наделён маленькой лёгкой лопатой. Во время молотьбы привлекался в помощ взрослым: скидывал снопы с одонья, подносил их и укладывал в ряд для обмолота, подметал ток, убирал солому. Кормил кур, собирал яйца. Мне были интересны командирские повадки петуха, проявляемые к своим жёнам, было интересно выслеживать хорошо замаскированные гнёзда кур, было интересно и то, почему Пеструшка тайно несётся в крапивнике, Чернушка - по лопухом, а Мохнатушка - под колодой в конюшне.

Ещё в мои школьные годы бабушке было 85 лет. Несмотря на свой возраст она была бодрой всегда, энергичной в любом деле, вечной непоседой, любила и умела находить себе работу во дворе, в саду, на гумне. Видимо, поэтому и всем нам она легко находила работу: так что лучше не попадайся ей на глаза. Позволяю себе несколько повторить то, что уже было сказано раньше... Считая её самой умной, справедливой, рассудительной и наделённой обширной житейской мудростью, все её повеления исполнялись всеми в самом лучшем виде. Её слово для всех членов семьи было первым и последним, как это бывало при матриархате. Её власть распространялась и на семьи детей, вошедших во двор - Ибрахима в Царицыне, Садыка в Старом посаде.

В 11-12 лет мы, деревенские мальчишки, втягивались в большую работу. Нам доверяли отводить на ночное лошадей, относить обед на полднице пастуху дедушке Ивану. Уж эти работы были более ответственными, но и они мало чем отличались от забав, являясь своего рода удовольствием для души, возможностью узнать что-то интересное.

Лошадей мы отводили на ночное на то участок пастбища, который указывал дежурный. Дядя Гриша наваливал на Туркая кошму, старый тулуп, после чего он подсаживал меня на эту постель, Чалого брал за повод. Выехав на улицу, мы поджидали друг друга, и только после того как все собрались, мы трогались потихоньку во главе взрослого дежурного. Бывало, достаточно выехать за околицу, как мы на рысях и галопом пускались в состязания, кто первым доскачет на место ночного. Разгрузив коней от одежды-постели, надевали оковы с хитро-замысловатыми замками на их передние ноги... Кони жадно пасутся, а мы собираем для дежурного всякий сушняк, сухую траву, коровий кизяк, которыми он будет поддерживать всю ночь огонь костра. Закончив свою работу, сидим у костра, дожидаясь прихода взрослых, чтобы сдать им своих коней, что вовсе не являлось обязательным, ведь дежурный здесь. Но нам

интересно расспрашивать у него о старине, о разбойниках, ворах, конокрадах, пожарах, силачах, о войне - смотря от того, кто дежурный. Всё это для нас было очень интересно, и мы были готовы сидеть всю ночь, но было недопустимо послушаться родителей или кого-либо ещё из взрослых, сказавшего: «Ну, ребята, вам пора домой». Староста деревни Шангрей-бабай любил вспоминать о всеобщем пожаре в Тебенькове (около 1880 года), когда осталось всего два дома из двадцати двух; Яку-э Азиз-бабай говорил о том, что когда-то Тебеньково состояло всего из двух домов - первая деревня, которая находилась за Абляво рощей, где до сих пор сохранились три пруда, вырытые искусственно. На них часто нападали разбойники, поскольку эти дома стояли на большой дороге, ведущей во Владимир. Вот тогда жители этих домов Смакофы и перебрались сюда. «Это было, - говорил он, - наверное, в конце 17 века...»

На обратном пути наше состязание возобновлялось. Поставив себя в положение того самого коня, на котором так лихо мчались на ночное, начинали обгонять друг друга. Теперь уж я считал себя не Туркаем-тихоходом, на котором только мне разрешила ездить верхом бабушка, а Чалым, которго в даравне ни одна лошадь не может обогнать, кроме Маруськи нашей. Если туда, на ночное, я приезжал всегда последним на Туркае, то сейчас, домой, Я - Чалый добежал до околицы первым.

Обед дедушке Ивану носили в большинстве случаев всей командой - неважно, чей этот обед. Для нас он был весьма интересным человеком, был он милым и ласковым стариком, его все деревенские любили, хвалили его за честное отношение к обязанности пастуха. Пастухом дедушка Иван стал заниматься в нашу деревню очень давно. Сам он был из деревни Алёшино, что находится рядом с нашей деревней. Ему было лет восемьдесят. В молодости он служил в солдатах гвардейцем. Был он высокого роста, весьма плотной и крепкой фигуры, источавшей неимоверно необыкновенную силу; он зарос совершенно белым растительным покровом: на всю широченную грудь - белая борода, закрывавшие весь рот лохматые кучерявые усы, соединявшиеся в одно целое с бородой и густые, тоже совсем белые, брови, соединённые между собой; круглой зановеской с белыми бахромами свисают волосы вокруг головы, но верхняя её часть блестяще голая, и на самой макушке головы - гладкая, белая «картошка» с кулак. Таковую шишку он получил будучи солдатом-гвардейцем на Кавказе при штурме крепости, со стены которой попал на голову камень. Служил дедушка Иван в солдатах 25 лет.

Обедал дедушка Иван на месте полднища, когда стадо прячется от знойного солнца и оводов где-либо у опушки леса, в тальниках, в воде речки. Пока он обедал, мы приставали к нему с просьбой, рассказать про войну, о том, как служилось в солдатах, кто может стать гвардейцем, какие бывали походы, как командовал генерал, какие наказания он чинил провинившимся, чем награждал за геройство. На все эти вопросы он нам обстоятельно отвечал. Мы, разинув рты, слушали с особым интересом, хотя многое уже нам было известно. Такие повествования шли долго, если мы приносили ему лыко и просили сплести нам лапти, башмаки, корзину, лукошко, на что он был великим мастером. В таких случаях его подпасок становился пастухом, а кто-то из нас - подпаском; иначе

один подпасок может не справиться с какой-либо блудливой комолой, которая может забраться во ржи или овсы. Нам лестно, что дедушка Иван доверяет нам длинный-предлинный кнут, с помощью которого можно делать оглушительные хлопки, да смотреть за стадом. За радивость дедушки Ивана домохозяйки в свою очередь старались угостить его вкусным и обильным обедом - из трёх-четырёх блюд.

Только с наступлением позднего вечера дедушка Иван пригонял стадо домой. Подходя к деревне, он неизменно возвещал домохозяек о приходе стада, производя громкие хлопки длинным кнутом. Встречать же надо телят да ягнят, которые вечно почему-то отбиваются от своих родителей, или не могут узнать свой дом. В деревне стоит шум, гам: коровы мычат - возьмите скорее молока, мне трудно; телята ревут: дайте вкусное пойло; овцы блеют - куда подевался несмышлёныш. А женщины громко подзывают своих. Пройдёт несколько минут, всё и везде начнёт успокаиваться, постепенно утихать и, наконец, станет совсем тихо. Только слышно во дворах, как чётко звонко бьёт по стенкам подойника сильная струя ароматного молока из тугого вымени коровы. Слыша это, у тебя разыгрывается аппетит на парное молоко за ужином и ломоть сегодняшнего тёплого ржаного хлеба... и тебе ничего лучшего не надо!

Дедушка Иван долго умывается, подходит к столу, отвернувшись в сторону, крестится, и только после такого обряда он садится за стол ужинать вместе с семьёй дома: обед и ужин ему полагались по условию соглашения при найме, что выполнялось по-очереди. После ужина он уходит домой спать и отдыхать, чтобы завтра чуть свет вновь придти и увести стадо на выпас. Бывало, пройдёт он по деревне с конца в конец, играя прелесную мелодию на самодельной свирели, и все просыпались - нельзя было не послушать...

... Итак, все приказания бабушки исполнялись мною безупречно и тщательно. Не знаю, поэтому ли она охотно повествовала интересные для меня истории и различные события, или она имела сама склонность к тому, чтобы с увлечением рассказывать.. Уже по истечении многих лет мне стало удивительно, что абсолютно безграмотная старуха так много и хорошо знает обо всём, так ясно и свежо держит в памяти минувшие 70-80 лет назад события и правильно оценивает всё виденное и слышанное за долгую жизнь, помнит всё то, о чём она слышала от старых людей в свою молодость, о некоторых событиях, происшедших 150 лет назад. Думается мне, что такой она могла стать благодаря необыкновенной любознательности и цепкости памяти. Она часто говорила мне: «Каюм, тренеруй свою голову восстановлением в памяти давно прошедшее событие; всегда думай о чём-либо хорошем, о том, как лучше что-то сделать». Она рассказывала о войнах в Средней Азии и на Кавказе. Слышала о том, что в соседнем с нами уезде Муроме какие-то вооружённые люди разоряли помещичьи усадьбы (намёк на пугачёвское движение). Знала отмену крепостного права где-то и каким оно было. Рассказывала о необыкновенно суровых зимах: «На лету замораживались вороны и галки, голуби и воробьи падали на снег мёртвыми. Вот такие бывали в мою молодость морозы. Снегопады и бураны часто свирепствовали неделями, заваливали избы до

трубы, и люди не знали: день или ночь. Откапывались они, помогая сосед соседу сутками. В такое время стаи волков устраивали набеги прямо в деревню и нападали на дворовых собак и скотину. Люди сидели по домам, боясь выйти на улицу». Бабушка Фатима много знала о войне с Наполеоном, называла знакомые ей имена солдат, участвовавших и отличившихся в этой войне. «Все татары, умершие на ней, в рай ушли; ведь война была священная». Она любила рассказывать о том, как жили татары Касимовского уезда: многие служили в Москве, в Петербурге и в других больших городах кучерами и конюхами у русской знати, и время от времени приезжали к своим семьям в деревню, через них узнавали о жизни их хозяев, о событиях, происшедших там, о слышанном от хозяина или его окружения. «Кроме ведения крестьянского хозяйства, касимовские татары, - говорила бабушка, - занимались извозом в зимнее время, держа для этого обозы лошадей. Они возили грузы из Касимова в Рязань, Москву, Владимир и обратно в Касимов» Таким извозом занимался её свёкр Муртаза (мой прадед). У него содержалось от 8 до 12 лошадей. Лошади были крепкие, выносливые, воспитанные, выдержанные и воспитанные им самим. «Сам Муртаза, - говорила бабушка, - был бесстрашным, большого роста и обладал необыкновенной силой. Поэтому он ездил один на восьми или десяти поводах, не боясь разбойников». Кое-что бабушка рассказывала и о становлении нашей деревни Тебеньково... Когда она в длинные зимние вечера говорила о всём этом, она оживлялась, жила сама той жизнью, казавшейся ей прекрасной. «Теперь уж такое неповторимо», - говорила она всегда... Что ж, надо иметь в виду, что история дальних времён сплошь и рядом порождает в воображении что-то прекрасное, равнозначное с иллюзией; ведь людям свойственно искать лучшее в прошлом...

Свадьба.

Наша семья с нетерпением ждала телеграмму о приезде старшего брата Фазукая (Фазлуллы). Он должен был приехать из Киева со дня на день. Ехал он в деревню жениться. «Наконец-то он надумал жениться - слава богу, давно пора ему жениться, ведь уже 26-ой год пошёл, так не далеко и до того, что мог остаться вечным холостяком. И невеста подходящая для него подыскано. Когда только приедет? Написал - «скоро», а теперь что-то замолчал», - говорила бабушка. Об этом же говорили и судили в деревне - ведь женитьба - событие для всех.

И вот однажды в вечернюю пору летнего дня издали послышался монотонный звон поддужного колокольчика - это едет развозчик телеграмм. Мы, ребята, стремились в дом, чтобы сообщить приятную новость (суинче - за что тебе подарок). А вот и он: на дрожках спускается с горки между берёз со стороны Царицына (Бьюмсала). Так и есть: телеграмма нам. Она извещает: «Встречайте четверг. Фазукай. Ганей».

В доме сразу становится шумно, суетно; все начинают что-то делать, идут разные обсуждения, предложения; бабушка отдаёт какие-то распоряжения то Фазылла-абстутей, то дяде Грише, сестре Махинур, нам, внукам и внучкам.

Всем находит работу (вот уж поистине - не попадайся начальству на глаза). Домашние стараются угодить давно знакомому развозчику за доставку долгожданной вести; угощают его чаем, вкусными яствами и дают ему суинче - подарки.

На следующий день происходит генеральная уборка в доме, во дворе, надворных пристройках и других службах. Идёт обсуждение о том, чтобы всё соответствовало тому порядку, что называется «хорошая встреча». Проходит ещё день в суете, хлопотах и окончательных обсуждениях уже решённых вчера вопросов (а вдруг окажется это так неудачно!). Это главные вопросы: какую комнату выделить братьям, при этом надо иметь ввиду приезд главного хозяина дома - моего отца с мачехой нашей; какая комната будет предоставлена молодожёнам, как в интересах молодёжи освободить дядю Гришу от половой работы, кто поедет на пристань города встречать.

Наступает утро дня приезда моих братьев. Во дворе две пары лошадей, запряжённых в тарантасы. Одна главная пара - это Маруська со своим молодым сыном Соколом в пристяжке, наряжённые лучшей сбруей: три колокольчика под дугой, на шеях иноходцев ошейники с бубенцами, над седёлками по три никелированных колокольчика. Все предметы сбруи украшены оловянными под серебро бляхами, вожжи тесёмочные зелёного цвета с соответствующими захватами (без которых не удержать горячих лошадей, какой и была Маруська). Вторая пара - это Чалый коренником, а Цыганка, принадлежащая нашей родственнице абсчичи-э в пристяжке (наш Туркай - тихход, не пригоден для быстрой езды). У этой пары сбруя поскромнее, но вполне добротна. Кони нервничают, дёргаются вперёд, толкаются назад - требуют выезда. На первой паре кучером дядя Гриша, на второй - Фазукай Балю-э. Они поторапливают седоков - трудно удержать лошадей. Пары лихо выезжают со двора и рьяно мчатся по деревне, скрываясь в один миг за околицей, а через минуты уж не видать их - въезжают в Аляво рошу, только пыль висит над дорогой.

Время проходит томительно: их всё нет и нет. Домашние все нарядились в самое лучшее; в зале стол накрыт белоснежной скатертью, расставлены десертные тарелки, чайные чашки, салфетки, мёд, варенье, чатчага, кудряш; пекутся пироги, варится плов; готовятся жарить парямачи. Чинно сидят односельчане, приглашённые на кузяин - званый стол. А завтра приедут гости-родственники. Неугомонная бабушка то и дело всем находит работу: невестке Фазылле - посмотреть плов, не подгорает ли он, внучкам - ещё раз подмести пол в комнате для молодёжи, а в зале вытереть линолиум влажной тряпкой, жену дяди Гриши, пришедшей помогать хозяйкам, посылает ещё раз посмотреть, хорошо ли укреплены ворота, не дай Бог как бы они не призакрылись в тот момент, когда пары будут въезжать во двор; а нас, мальчиков, направляет на околицу следить за приезжающими, чтобы своевременно сообщить ей о появлении родных.

Сидим мы на дереве в конце усадьбы Яку-э и чутко прислушиваемся: не слышен ли перезвон колокольчиков и бубенцов. Тем временем возникает у нас спор о том, насколько далеко оставит Маруська позади себя Чалого. Такой разговор возникает не случайно - ведь равных Маруське в беге нет во всём

округе. Но ведь Чалый тоже не лыком шит, а, во-вторых, пристяжной сокол не поспевает за Маруськой, поэтому дядя Гриша ни за что не пустит Маруську на полный ход, а то её можно и загнать - у неё силы мало, а горячности много. Время идёт медленно, споры закончены. И вдруг совсем тихо, где-то далеко-далеко слышится тихий звон колокольчиков. Наверное, едут! Немного погодя и действительно звон звонче... громче... ясней. Я вот у Абляво-рощи над дорогой появляется серое облако, переливы звона колокольчиков и бубенцов нарастают с огромной скоростью. И мы скорее, на полный ход, бежим домой известить: едут, едут!

Весь дом наполнен радостью, оживлением, в нём всем весело. Наконец-то, пары, одна за другой, стрелой мчатся по деревне, и лихо въезжают во двор. Через несколько дней у нас вновь кузяин: из Симферополя приехали на свадьбу папа и мачеха Махира. А ещё через два-три дня приехал третий по старшинству брат Кярим. И теперь вновь суматоха, хлопоты, суды и пересуды о встрече их на пристани...

1915 год. Второй год шла кровопролитная Первая мировая война. Кярим-абзею исполнилось семнадцать лет, и ему надлежало призываться в солдаты. Вот он и захотел побыть на свадьбе брата, а потом призываться. Но первое ему не удалось: его призвали раньше свадьбы и отправили в район Перемышля в школу пулемётчиков. Всем домашним было горестно.

Наш дом ежедневно наполнялся гостями. Чаще других у нас бывали ровестники моих братьев: это Бакуш и двоюродный брат Шакир Таканаев из Болотцев (Джавбаш), троюродный брат Хаким Китаев из Тарбаево (Тарбай) и родственник оттуда же Валей Худайбердеев, Мустафа Давлицаров из Царицыно (Бьюмсала) и многие другие. Угощались они чаем, сладостями и разными яствами (на столе вина никогда не бывало). Оживлённые разговоры шли на разные темы, но больше всего про войну. Мне помнится хорошо, как Валей Худайбердеев в компании молодёжи рассказывал о военных событиях - он участник этой войны. Живя в Петербурге, он ещё до войны был зачислен там в часть военных аэропланов, а в период войны участвовал в военных действиях в качестве лётчика. Его аэроплан был сбит противником, но ему удалось дотянуть на своей машине до своих, но вскоре она упала, и он был тяжело ранен. Валей привозил всегда нам газеты, которые он бойко читал вслух, читал, главным образом, о событиях на фронтах германском и австрийском, что меня очень интересовало.

Принимать гостей, значит - самому ездить в гости. В связи с этим правилом возникла проблема приобретения бойкой, резвой и сильной лошади, которая могла бы стать хорошей помощницей для Маруськи в качестве пристяжной. Наши кони не соответствовали таким требованиям. Сокол, как и мать, иноходец, был тяжеловат, галопом бегать они не умеют, а иноходью - не хватает резвости. Чалый - полукровка из породы орловских рысаков: нельзя его пускать на галоп - испортится его сильный бег рысью (ведь пристяжные бегут галопом, не подчиняясь одной только вожже), кроме того Чалый был весьма пуглив и мог идти наразнос. О Туркае и говорить нечего, он, кроме бега, вернее - поспешного хода шагом трусцой, ничего другого не признавал. Цыганка, могла

бы временами давать наша родственница, с натяжкой, может быть, и подходила бы, но она была с норомом: на полном ходу в любом месте останавливалась и ложилась. Надо было покупать новую лошадь. С такой целью братья и отец (знаток лошадей начали ездить на конный базар в город Касимов. Бывало, облюбуют молодого, кажущегося резвым, коня, запрягут его пристяжным к Маруське - и в полный ход - постромки волочатся - не годится. Сколько бы так ни подбирали пристяжного ни на конном базаре, ни в деревнях понаслышке - подобрать достойного Маруське помощника так и не смогли. Фазукай Балю-э посоветовал посмотреть молодого коня у телешовского мельника, де-мол у него кони резве, бойкие. Поехали с Фазукаем Балю-э (он-то уж знаток из всех знатаков лошадей) в Телешу, испытали Пегаша - и по рукам. Уплатив втридорого, купили у мельника коня. Он был строгим, резвым, лёгким на бег, горячим и совсем ещё молодым (всего три года). Испытанья показали, что Пегаш, идя в полный галоп, хорошо помогает Маруське. Но потом выяснилось: через 10-15 минут постромки начинают временами ослабляться, а ещё через 10-15 минут они уже начинают болтаться. Когда же Маруська входила в азарт, вернее начинала выходить из себя, чтобы ни за что не дать себя обогнать (уж таков её нором), - Пегаш не только не помогал тянуть довольно тяжёлый тарантас, но совсем опустив постромки, он своим поводом тянул коренника назад. После таких поездок он на столько уставал, что, бывало, не успеют его освободить от упряжки, как он сразу же ложиться отдыхать, чувствуя полную разбитость. Пегаш не стал полноценным помощником Маруське, что впоследствии и явилось её гибелью. Беда пришла ей впоследствии того, что она имела привычку при всех случаях обгонять всех и никогда не давать себя обгонять, на что в большинстве случаев у неё не хватало физической силы: была малого роста, слабосильной. А ездили втроём да, видимо, не всегда выбирали состояние дороги. В результате через некоторое время она стала чахнуть, плохо есть и заметно худеть. Прошло ещё два-три месяца после начала болезни, Маруська начала кашлять и всё чаще и чаще задыхаться. Так она провела всю зиму без выезда, испытывая различные методы лечения ветврача и знахарей. Но никаких улучшений не произошло. Летом с наступлением жаркой погоды её состояние ещё ухудшилось: появилось удушье, отчего она стала мучиться, перестала принимать пищу. Осенью через год болезни Маруська пала. Оказалось - она была заплённой - лёгкие её почернели и уплотнились... Говорили, что когда отец узнал о гибели своей самой любимой лошади, безудержно плакал и от расстройства предался на некоторое время меланхолии.

... Бабушка и отец слегка осуждала братьев за их небрежение к Маруське, за быстрый бег на ней, езду, не разбирая состояние дороги, за то, что не учитывали, помогает Пегаш кореннику или нет. Были недовольны и тем, что без надлежащего подбора купили Пегаша, отдав за него тройную стоимость. У отца ещё тогда вкралось сомнение: как бы Маруська не была загнана. А бабушка говорила: «Да что им деньги, сорят ими где попало. Если они приехали с деньгами, то это вовсе не значит так разбрасывать их. А что они делают в магазинах? не только не торгуются при покупках, а даже цену не спрашивают: отвесь им то, заверни это. Не-е-т! Так нельзя, так и до разорения не далеко. Что

ни говори, а надо скорее женить обоих. Хотя Ганей немного и расчётливее, но, видимо, виной всему являются Фазукай - он главный мот.

Как известно, у каждой нации и народности из поколения в поколение исторически формируются свадебные обычаи, обряды, а потом с небольшими изменениями они остаются в традиции. Так и у нас, татар, были свои свадебные традиции. В недалёком прошлом, ещё в первом двадцатилетии XX века, касимовский татарин женился только на татарке, которую совсем не видел (в лучшем случае мог видеть её стан и глаза, поскольку девушка, увидев мужчину, обязана закрыть лицо головным платком, оставив открытыми одни глаза, чтобы не упасть...

По рассказам бабушки, подтверждённым женой Ахмеджан-абзея Ашрафджингей, в течение одного года женились три брата: Валей, Ибрахим и Ахмеджан. Происходило это так: были во всём округе три красавицы: Фазлылла в Болотцах, Фатиха в Царицыно и Ашраф в Джугурмане. Они были такими же красавицами, как и жена старшего брата Мухамеджана (моего отца) - моя мама. Три брата сговорились: «раз у нашего старшего брата жена из Болотцев самая красивая, то быть самыми красивыми и нашим жёнам». И уговорились свататься по старшинству, сначала Валей Фазлылле, за ним Ибрахим - Фатиху, затем Ахмеджан - Ашраф. Так и поступили. Отказа ни с чьей стороны не было. Вот так, не видя невест, зная только понаслышке о красоте этих девушек, все трое женились. Ещё пример, очевидцем которого был я. Меньший сын бабушки Садык-абзей, работая в городе Джанкой (в Крыму), прислал матери письмо с просьбой подыскать ему невесту. У бабушке давно уже на примете была одна девушка в Старом посаде - Нафиса. Семья Нафисы состояла из трёх сестёр и матери. В письмо было вложено фото. Нафиса согласилась быть женой Садык-абзея, хотя это согласие не являлось обязательным, чтобы выйти за муж, а главное - её мать согласилась. Жениху послали фотографию невесты. Нафиса понравилась дяде, и он попросил свою мать доставить невесту в Джанкой. Так состоялась женитьба. Я помню: в день отъезда мы всей семьёй поехали на пристань, чтобы посмотреть невесту. Её провожали бабушка и мать девушки сначала на пароходе, а потом на поезде, хотя мать невесты очень хотела дожидаться ледостава, чтобы ехать поездом, боясь, как бы пароход не утонул. Но бабушка настояла и поездка на пароходе состоялась.

... В то время, в 1915 году, женитьба происходила ещё по всем правилам традиции. Свахи, наши родственницы, нашли Фазукай-абзею невесту неопишуемой красоты. Свахи говорили: «У неё нет ничего неуместного ни на лице, ни в фигуре; всё к месту, всё прекрасно. Уж такой больше нет, и нечего искать другой. Тем не менее, брат не хотел брать прекрасную кошку в мешке. Настаивал на том, чтобы познакомиться с девушкой из села Тарбаево, Аминой. Но все: и бабушка, и свахи, и другие - в один голос: «Нет, этому не бывать: мало ли что он захотел. Что, он хочет быть первым нарушителем законов шариата, мусульманских обычаев? Они не нами установлены, не нам их и нарушать». А жених им в ответ: «Ну ладно, тогда я уезжаю обратно, там женюсь на русской». Эти слова подействовали магически: «Ну ладно. Пусть будет так, устроим тебе

смотрины».

Идёт обсуждение свах с нашими, как устроить смотрины, чтобы это произошло незаметно для невесты. И мудрое решение находится. Наша родственница Абсчичи-э нарочно, будто мимоходом, невзначай даёт намёк матери невесты, де-мол мы с вами отдалённые родственники, приезжайте ко мне в гости с дочерью Аминой. Таким образом швы оказались сшитыми белым по белому». Сказано, всё понято с полуслова и сделано, как надо.

Один раз брат видел невесту в доме Абсчичи-э только мельком, спрятавшись за ширмой, другой раз - в саду через окошечко сарая, собирающую цветы ромашки. Девушка понравилась: статна, красива, на ней нарядное белое платье, на голове узорчато нашитый жемчугом колфак, поверх которого газовый шарф; ходит она осторожно, кокетливо и грациозно шагая по саду, собирая ромашки, останавливается, оглядывается по сторонам, медленными движениями нагибается и, сорвав цветок, любуется им... словно Маргарита из Гёте. Далеко после рассказов брата о виденной невесте в саду, мне Амина-джингей всегда представлялась Маргаритой из оперы Фауста, когда я слушал её.

Состоялось сватовство. Приехали к нам родители невесты договариваться о приданом, о сроке свадьбы. Меня послали на Туркае за личными вещами невесты; привёз два кованых больших сундука. Один из них забит до верху предметами приданого, другой - с постельными принадлежностями. Кроме сундуков на другой подводе привезли от дома невесты мебель, только что купленную в городе.

За два дня до свадьбы устраивается у невесты девичник, а у жениха - мальчишник. И там и здесь сначала вечеринки оформляются обильным угощением, чаепитием и яствами, после чего танцуют, пляшут, поют песни, затевают забавные игры с фантами. Танцы и песни сопровождаются музыкой, состоящей из гармошки, скрипки и мандолины. Как правило, пляшут только двое, соревнуясь в ловкости и разнообразии в движениях, па, сменяя друг друга по очереди. Поют только под гармошку вдвоём или вчетвером по очереди. В соло воспеваются любовь, страдание, преданность, дружба, победа добра над злом; пение попарно - это соревнование в злословии, подтрунивании, насмешках, критике, суждении и т.п. На мальчишники девушки не ходили, а на девичник, как исключение, могли ходить парни только из родичей невесты; в этом случае все девушки закрывали лицо платком.

Наступил день свадьбы. Выезд за невестой назначен на 12 часов. А желающие принять участие в свадебном кортеже начинают собираться с утра. Приезжают на тройках, на парах, запряжённых в тарантасы, кареты, или одиночные на дрожках. Коренники - чистокровные рысаки и полукровки, пристяжные - бойкие на галоп, обычно молодые кони. У всех сбруя - добротная кожа, отделанная разнообразными бляхами то под серебро, то под золото. Сбруя только что обмазана дёгтем, а бляхи начищены мелом, отчего вся сбруя всеми частями играет на солнце разноцветными переливами. Всё больше и больше подъезжают участники свадьбы. Из каждого экипажа, подъехавшего к нашему дому, гости (только мужчины) идут поздравить жениха и его родителей; потом отводят упряжки к разным палисадникам соседних домов. Поскольку домов-то

в деревне было только 24, некоторым не хватало полисадника - они привязывали лошадей своих к деревьям. Так что вся деревня по обеим сторонам заполнена запряжёнными экипажами.

Справные лошади, разгорячённые быстрой ездой-разминкой, нервно дёргаются по сторонам, взад-вперёд, бьют ногами землю, хлещут себя хвостами, отбиваясь от надоедливых мух. Вспотевшие крупы кормлёных коней лоснятся блеском бриллиантина, будто зеркала на солнце. От беспокойного состояния лошадей поддужные колокольчики переливаются на разные лады, а бубенцы глухо бормочут по-своему. Кони больше и больше тревожатся, ржут, роют землю передними ногами; они волнуются, почуяв предстоящее состязание - неотделимый атрибут свадебных шествий.

Свадьба на деревне - праздник для всех: никто не работает, всех она высыпала на улицу, все наряжаются в лучшее и сидят чинно, спокойно на лавочках, обмениваясь впечатлениями о подъезжающих лошадях, сбруе, хозяевах экипажей, особенно лакированных карет (это богачи). Всё это красиво-запоминающе оживляет деревню, придавая торжественность её жителям. Всем весело, интересно.

Во дворе у нас закладывают тройку для молодых. Лакированная карета вся горит чёрно-золотистым пламенем. Рослая, серая в яблоках Слава, чистокровная орловской породы, пойдёт коренником (хозяин её - наш родственник из Арлара Сафа, Цыганка и Летун исчерна-чёрной масти, бойкие, горячие кони. Сбруя для них - самая изысканная: всё на ней блестит, сверкает многоцветием. В сарае отец запрягает Маруську на дрожки для себя: он хочет ещё раз обогнать Славу.

За невестой поедут одни мужчины. В карету садится жених, его брат Ганей и самые близкие товарищи: Бакуш и Шакир. Наконец, свадебный поезд тронулся в путь. До Торбаево - дома невесты - всего четыре версты. Такой отрезок пути разве простор татарам для состязаний? Поэтому дорогу удлиняют: сворачивают вправо, в сторону Алёшино, затем ещё раз вправо на Царицыно, после - на Смаиловку, потом на Барамыкино, Подлипки и только теперь на Торбаево. Тем самым путь удлиняется до десяти вёрст. Несмотря на то, что поезд с места берёт быстрый ход: лошадей не удержать, они давно были готовы сорваться на полный ход - но после Тебеньково через полверсты мостик, а после него начинается подъём, да дорога песчаная; одолев подъём, уж совсем близко Царицыно - по улице нельзя обгонять (опасно). Но тем не менее, кое-кто уже начинает обгонять переднего - ведь улица-то длинная, нерву ни у лошадей, ни у кучеров не выдерживают - какой же он татарин, если не обгоняет переднего?... Татарин - лошадиник; он любит лошадь, понимает её и умеет ценить хорошие качества. Встретятся на дороге два татарина, так сразу начинают хвалить коня другого, имея ввиду своего, и забывают, куда ехали и зачем - давай наперегонки, чья лошадь возьмёт верх!... Оживлённо, но чинно проехали Царицыно и свернули ещё вправо. Вот тут уж начинается подтрунивание над кем-нибудь, дружеская издёвка, подзадоривание, и пошла вся свадьба перегоняться. Стоит шум над дорогой, хохот, смех, передразнивание, выкрики; в такой суматохе, пожалуй, и забыли, куда они едут,

а если кто-то и опомнится, куда едет, - скажет: «Ничего, невеста подождёт».

В доме невесты идёт обильное угощение. Подаётся жаркое, плов сладкий; из питья только брага и чай, к чему подаётся туйаше (свадебное кушанье) - кислое тесто, свёрнутое спиралью, варёное в топлёном масле - ляващ, биляши и разные пироги, пирожки и прочие. У торца П-образно установленных столов посередине сидит мулла, рядом с ним по правую руку - жених, за ним его доверенные, а по левую руку муллы - отец жениха. После трапезы мулла читает обручальную молитву на арабском языке, содержание которой никому не известно. В момент чтения торжественной молитвы в соседней комнате сидит невеста в новом платье из белого шёлка, лицо укрыто полупрозрачной вуалью поверх колфака, вышитого жемчугом по бархату светлого тона. Сидит невеста в окружении подруг и родственников женского пола. После молитвы мулла спрашивает у жениха: «Согласен ли взять себе в жёны Амину Бекбулатову, дочь Афифы?» Получив утвердительный ответ, задаёт такой же вопрос невесте: «Согласна ли быть женой Фазуллы сына Айши Симаковых?» - издали слышится робкий голос «согласна». Мулла с женихом идут к невесте. Мулла поздравляет молодых и родителей их. Брат берёт свою жену под руки и ведёт к каляске.

Вновь свадебный поезд пускается наперегонки, направляясь в обратный путь. Приближаясь к Тебеньково, все останавливаются, дожидаясь карету новожёнов - эта тройка не участвовала в состязаниях, не дай бог ещё что может случиться. И туда и обратно папа неизменно был впереди всех на Маруське.

Молодых встречают шумно с приветствиями да молитвами. Они вдвоём в комнате, невеста до завтра выходить на люди не будет, а в зале и других комнатах идёт угощение гостей чаем, ужином и ещё раз чаем, потом, поздно ночью, вновь накрываются столы. Постепенно кое-кто уезжает, а близкие родственники остаются до завтра, поскольку только на следующий день свадьбы устраиваются смотрины невесты.

Утром к чаю выходит невеста, теперь уже жена брата, наша Амина-джингей, выходит вместе с братом Фазукаем. Она разливает чай гостям и нашим, всем, кто за столом, в том числе и мне; разливает и подаёт строго по установленному ритуалу: сначала бабушке, затем мачехе, отцу, мужу, сестре мужа, братьям мужа и т.д. Чай должен быть подан - полная чаша без сплёска на блюдце, и следует сказать каждому что-то уместное и приятное, ласковое. Но и тот, кто получает чашку, делает ей комплимент. Да, она была вполне достойна всяких похвал: восхитительна своей красотой. Она выше среднего роста, статная фигура дополняется умеренной полнотой, а белая кожа лица, шеи, рук оттеняется нежностью, и особо подчёркнуто румянностью, а также толстой русой косой; брови чуть темнее цвета косы, полого изогнувшись, усиливают обаяние светлосиних глаз, спокойный цвет которых передаёт мягкость характера; умеренной толщины губы, нежные и естественно красные; ровные, слегка с оттенком жемчуга, зубы. Светло-кремовое шёлковое платье бального фасона, очень красивое, к лицу, как говорится, не скрывает ни статность, ни привлекательность молодой жены, лицо её и голова открыты; на ушах бриллиантовые серьги, надо лбом вышитый жемчугом колфак, повех которого - розовый газовый шарф. (Я видел её уже во второй раз: первый тогда, когда

брат любовался ею, когда она собирала цветы в саду Асбичи-э, а я ей «помогал рвать ромашки»).

Этот день смотрин является одновременно приёмом сватов и их ближних родичей. Опять приезжают поездом в каретах, тарантасах, дрожках, на тройках, на парах. Это уже смотрины жениха. Обед, ужин, чай, ещё раз чай. Поздно уезжают гости, а родители жены брата остаются ночевать у нас. Через два дня - ответный визит к родителям нашей невестки. Едут молодые, вся семья наша и ближние родичи. В иоей памяти сохранились свадебные угощения, но нет в памяти, чтобы я видел в любом свадебном ритуале на столе вино, думается, что вообще на таких даже торжествах не пили его. Также я знаю, что все вечеринки, кузяины (званные обеды по случаю приезда), похороны, приёмы гостей проходили без вина. И это было очень хорошо! Думается мне, что взаимное уважение, выражение любви и преданности, веселье, шутки, удовольствие, мир да согласие между участниками любой формы протекали тогда крепче, искреннее, чем сейчас.

Свадьба прошла. Первыми уехали наши молодые в Киев; за ними отбыл из деревни брат Ганей, а потом уехали в Симферополь отец и мачеха. Наш дом вошёл в свою повседневную колею. Через два месяца наступила ураза.

Ураза. (Великий пост)

Мусульмане говеют в году один раз в течение 30-ти дней. При этом она каждый год начинается на 12 дней раньше прошлогодней. Таким образом, один годовой круг завершается за 30 лет. Это, наверное, связано с тем, что Мухамад стал пророком в тридцатилетнем возрасте. Ураза - суровое, очень жёсткое испытание на верность исламу, по сути дела - проверка убеждённости религии Мухамада. Гование осуществляется следующим образом. До восхода солнца, с того времени, как стоя становится заметным волос, так прекращается всякий приём пищи и жидкости, запрещается курение, купание до полного захода солнца. Поскольку Ураза меняет начало говения, то в течение восьми-десяти лет приходится на летнее время, то есть на период жаркой погоды и тяжёлой физической работы у крестьян, на длинные дни и более скромное количество питания; запрещается устраивать увеселительные мероприятия (свадьбы, вечеринки, хождение в гости). Требуется исполнять богомоление пять раз в сутки.

Вот такому говению я был досрочно посвящён, когда мне ещё не было одиннадцати лет (1915г.) Это произошло потому, что бабушка заставила держать пост за моего брата Кярима, который в тот момент уже находился на позиции военных действий. Своё решение бабушка объяснила так: «Твой брат в солдатах, он не может говеть. Ему надо воевать. Не дай Бог, его могут убить. Вот и надо, чтобы грехи его были замолены тобой. Только в этом случае он сможет попасть в рай. «Старайся, Каюм, - говорила она, - держать пост честно Аллах узнает твоё радение и всё прстит Кяриму. А если ты что-то нарушишь в законах пророка - Аллах тебя покорает»... После многих лет я догадался,

почему бабушка была обеспокоена относительно грехов брата. Дело в том, что работая поваром в ресторане, он сначала пробовал кушанье, приготовленное из свинины, а потом наверняка и ел; пробовать - это одно, ведь он готовил, надо определить качество, другое дело кушать её (строжайше запрещено законом ислама). Значит: тяжчайшие грехи можно было снять, только перенеся очень суровое наказание.

Моё говение совпало как раз с таким мучительно-трудным временем года - был август месяц. Первые дни говения были чрезвычайно изнурительными: с пяти часов утра до восьми часов вечера надо было терпеть и подавлять голод, жажду и воздерживаться от купания. Только через пять-шесть дней постепенно начинал привыкать к такому мучению, но чувство голода часто напоминало о себе, а жажда не покидала никогда. Но духовная вера во что-то сверхъестественное оказывалась сильнее всего земного, материального. В то время я принадлежал к той категории людей, которые свято соблюдают каноны религии при любых случаях.

Итак, проходит целый длинный день за игрой, исполнением поручений взролых без единой крошки пищи, без глотка воды. День медленно тянется, он кажется нескончаемо длинным, кажется, что солнце не движется на закат. Бывало, ждёшь конца дня, сладко мечтая плотно покушать и вдоволь напиться. Но никак не дождёшься этого. Наконец-то (земля всё ж таки вертится) происходит закат солнца. Перед этим за несколько минут мужчины собирались в пустующем доме Удалуя на молебен, что является подготовкой к разговления, по счёту четвёртый раз. Как только солнце закатывается, так Хайрулла Балю-э - уполномоченный сельского Царицынского муллы, исполнявшего две должности - муллы и муадзина, - извещал правоверных о том, что день поста закончился. - Слава Аллаху, - Слава всем мусульманам, которые честно по велению сына бога Мухамада, отправили и этот священный день, да будет им прощение бога от содеянных грехов. Поскольку у нас мечети не было, а значит, не было и минарета, взобравшись на самый верх которого полагалось муадзину кричать азан, то Хайрулла-бабай довольствовался тем, что он становился на специально сделанный для такого случая помост, установленный перед молельным домом на улице и , заткнув уши пальцами, громко, нараспев призывал молиться, а после разговляться. После азана он входил в дом, становясь впереди всех пришедших молиться, справлял молебен, теперь уж в должности муллы. после окончания богослужения мы тут же разговлялись то изюмом, то финиками, присылаемыми сыном Хайруллы Валеи-абзеем из Хивы, где он жил. И скорее домой.

В период говения питание готовится более сытное и изысканное - ведь по сути дела пища принимается в сутки один раз; правда, перед рассветом ещё можно питаться, но в летнее время редко мы вставали, ведь кушали всего каких-нибудь пять часов тому назад, а спать хочется. Первое блюдо составляло одну из разновидностей похлёбки: Бульон из мелко нарезанных кусочков мяса, заправленный лапшой или салмой; иногда пельмени в бульоне; иногда варится салма в разведённом на молоке твороге (солёный, спрессованный), лапша, салма в мясном бульоне. На второе: жаркое, азу, парамяч, плов, котлеты, каша

пшённая или гречневая с маслом или мясом. К чаю один из пирогов: с капустой, картошкой, яблоками, ягодами, казы, айма-э (варёные сливки в молоке), мёд, варенье, яралаш, конфеты, тянучка. На ранний завтрак даётся что-либо оставшееся с обеда или готовится специальная лёгкая еда: блины пресные, кисле, оладьи, пирожки, пироги.

После сытного обеда, включающего в себя завтрак, и полдник, и ужин, мужчины собирались вновь в молельный дом на молитву. Это - последний намаз, по счёту пятый за день, и он являлся торжественным: слава Аллаху, слава Мухаммаду... После молебна в течение тридцати дней кто-то из школьников читает наизусть торжественную суру (стихи), вернее, поёт. Обычно это исполняется дуэтом. За усердие в поледний день уразы во время пятого намаза (молебна) богомольцы щедро вознаграждают чтецов: кто дарит коран, чётки, феску, тубетейку, деньги. Нередко случалось так, что некоторые из таких подарков оказывались привезёнными паломниками из Мекки, которым, конечно, не было цены, о чём все мечтали. И вот я был однажды награждён таким подарком: вечно душистыми чётками, привезёнными с родины Мухаммада - Мекки. Эти чётки (таспих) я отдал бабушке. Как я мог заслужить такую награду, я не знаю. Если у меня и было с избытком усердие, умение читать суры наизусть из корана, то нельзя сказать, чтобы мелодия пения ласкала слух богомольцев; видимо, наверняка, некому было читать.

В момент отправления этого торжественного молебна около дома собирались женщины (им вход запрещён), чтобы с удовольствием послушать молитву, которую произносил вслух Халилулла-бабай, суру, читаемую нараспев нами, школьниками. Так заканчивался последний намаз.

Наступает пора кратковременного сна. Бабушка будит на ранний завтрак. Иногда я вставал. Но оторваться от крепкого сна бывало очень трудно, тем более не хочется ни кушать, ни пить. Но всё же надо сделать запас против голодовки и жажды предстоящего дня. и вновь заваливаешься ко сну и сладко засыпаешь, думая спокойно о том, что ты содеял что-то недостижимое (прочь сомнения - нельзя их допускать, всё пропадёт); убеждён, что ты совершил и сегодня какое-то священнодействие во спасение души брата Кярима, который вот сейчас находится где-то далеко, быть может, он лежит в окопе, а смерть ползёт к нему незаметно... И на душе у тебя райское блаженство. Крепко засыпаешь и растворяешься во сне.

Так говение продолжается тридцать дней, и наступает праздник Уразы - священный день рождения Мухаммада в Мекке. Все идут в мечеть помолиться богу. Мечеть переполнена, ломится от людей. Мулла Али справляет торжественную молитву, а вокруг мечети, уж который раз тихо, смиренно стоят женщины прихода и обоего пола русские горожане, пришедшие послушать мелодичное чтение корана. Случалось, при выходе из мечети слышалось «ведь это же Шаляпин!» Под сильным и властным влиянием бабушки я был набожным, верил в Бога, старался исполнять все требования религии и шариата ислама, верил в потустороннюю жизнь после смерти, не сомневался и в том, что существует рай и ад, ангелы и черти.

Религиозность во мне продолжалась до ранних юношеских лет, когда мне

было лет 16-17. Отречение от религии произошло под влиянием неверующих в бога моих братьев и двоюродного брата Арифа Ибрагимовича, которые приезжали к нам в деревню из Киева, Харькова, Симферополя. Конечно, я и сам постепенно шёл к этому самостоятельно под общим влиянием событий и следствий революции 1917 года.

Влияние религии ислама.

Наряду с положительным влиянием на меня, религия больше принесла вреда. Что оказалось хорошим? Не лгать, трудиться с максимальным усердием; всё делаемое должно быть хорошо; не делать ничего такого, что может принести вред человеку, животным; быть всегда честным, не воровать ничего и никогда; всегда быть внимательным к людям; бороться со злом; при первой возможности нуждающимся в чём-либо сделать добро; получал прочную физическую зарядку, поскольку приёмы молитвы состоят из соответствующих движений.

Что оказалось плохим, отрицательным? Этого много! Держать мусульманский пост вообще очень трудно. Он истощает организм: в летнее время без еды и питья находиться в течение 17-18 часов, а потом объедаться, чтобы завтра ничего не принимать ещё столько же часов. А в возрасте ребёнка и отрочества ещё вреднее, что я испытал в возрасте 11-ти лет, и продолжалось это 5-6 лет.

Брат Кярим, за которого я два года говел (на случай, если его убьют на войне) остался жив и здоров. В меня вкралось сомнение (а это первый шаг к отречению от религии), - «наверное я зря держал такой изнурительный пост» . Убеждённость в загробную жизнь, а стало быть, и вера в существование ада, чертей и всякой другой нечистой силы не могли не травмировать неустойчивую психику ребёнка. Одним из таких проявлений у меня был страх, нападавший в тёмную или бурную ночь: от мысли, что может вот сейчас около меня бродит какая-нибудь нечисть, я начинал в галлюцинации видеть то, что представлял. Тогда я просился на кровать к бабушке.

Дело в том, что с восьмилетнего возраста в длинные зимние вечера мне приходилось много слышать о всякой нечестой силе. К нашей тёте, тогда ещё молодой вдове Фазылла-абстутей, в такие вечера собирались её подруги, в основном тоже вдовы. За рукоделием у них часто возникали разговоры о нечистом, но при этом каждый раз в нашем присутствии они старались говорить как-то скрытно, недосказанными словами, что несомненно в нас вызывало ещё больший интерес послушать, понять.

-Опять Он появился, говорят, к Махире; идёт она домой около двенадцати часов ночи, глядь, откуда ни возьмись, так и увивается, так и увивается бойко вокруг неё статная собака, - говорит Иштри-э Фазлылла, - на успела она открыть дверь в дом, как собака уже в комнате. Только Махира отвернулась, тут как тут перед ней предстал молодой, бравый красавец. Она сразу и обомлела.

Проснувшись рано утром, Махира увидела выбегавшую из дома вчерашнюю собаку. Говорят, в образе собаки давно уже одит к Махире какой-то джигит-нечистый.

- А вот сказывала Фатиха, - подхватывает наша тётя, - такой же нечистый приходил в облике нищего мальчика к вдове М., которая живёт одна в доме. Ходит он по домам, просит подаяние - это значит для отвода глаз соседок. Входит к М. и... весь засиял Он ей необыкновенно милым, манящим лицом. Только она подумала: «Ах, почему Он не мужчина», как перед ней стоит и улыбается взрослый молодец, этаким до безумия привлекательный, сильный. Как только он уставился на неё прнизывающим насквозь глазами, так она и обворожилась - забыла себя... Через некоторое время, превратившись вновь в мальчика-нищего, Он уходит от неё. На вопрос соседки, вдова М. отвечает: «Я его жалею, вот поэтому он, нищий мальчик, ко мне и ходит часто». А к вопросу: «Почему он бывает у тебя так долго, иногда даже до утра?», она говорит: «Ведь он бездомный, надо же ему где-то поспать» На замечание: «Почему же после тебя мальчик уходит куда-то, не заходя в другие дома?», Вдова М. поясняет: «Я его хорошо угощаю. И после этого ему уж не надо побираться в других домах».

- Да! Я тоже об этом слышала. Это - чёрт-оборотень, - подтверждает Арифа Яку-э. О подобном случае мне говорила Ш..., о том, что к старой деве Х... повадился Он, оборотень, в образе Жар-птицы: ровно в двенадцать часов ночи во время самой плохой погоды, когда на улице темным-темно и никого нет... Да-а, это значит для того, - продолжает рассказчица с расстановками, - чтобы остаться незаметной, ведь она вся горит!.. Так вот, летит Он, оборотень, в самый буран, при котором глаз не откроешь... И во все стороны лучи разноцветные сверкают, будто молнии от него выстреливаются, отчего от него, мои подружки, густо бушуют огненно-золотые перья, которые, падая на снег, сразу же гасятся... Как только подлетит к дому бедной девицы и... нет его. Это значит - Он влетел в трубу печи, а выйдя из неё в кухню, так и превращается в такого мужчину, какого и свет не видал: Он собой высок, плечист, всем корпусом пытит силой необыкновенной, а глаза... и не говорите, черным-чёрные, как ночь во дворе, без дна, без зрачков. Как только Он уставится на неё, так... Да-а, сама Х... говорила Ш..., предыпредив меня о строжайшей тайне своей.

Подобные такие разговоры возникали часто, когда они, вдовы и молодые женщины оставались одни, дождавшись времени, когда старухи расходились по домам, а я с Хакимом вроде бы спим на лавочке-палати. В то время мне непонятно было, почему все оборотни оказывались бравыми, сильными, обворожительными, почему они являлись только к вдовушкам да старым девицам, почему женский персонал терял самообладание? Наконец, почему иногда слушальницы и та, которая повествует такую недылицу, необычно ахают, восклицают, прорывается у них сдержанный грудной, исходящий от сердца, смех, а то и визг. Нередко брало их волнение.

Все эти байки, ображённые детским воображением, были для меня и красивыми, и в то же время страшными. Вот почему иногда у меня терялся сон, часто мерещился нечистый дух, оборотень, и напал страх, наступало

болезненное состояние. Вот - результат религиозности. Больше того, фанатизм религиозности проявлялся и в галлюцинациях.

Помню хорошо: это было в первый год мировой войны (1914г.). Поздно вечером сидим в кухне и всей семьёй готовим сухари для фронта...

Зимняя ночь необычайной темноты, и бушует буря; в окнах не прекращается разноголосый свист ветра (черти свистят), дымоход русской печи, превратившись в гигантскую трубу, издаёт неземные звуки (перекликаются черти). Мне надо было выйти на двор. Не успел открыть дверь крылечка, как стихия погоды и напомнила мне о Жар-птице, «Это как раз её любимая погода, - подумалось мне. - В такую она летает к старой деве Х...» Стою на крыльце и думаю: «А вдруг в самом деле она и появится? Интересно, какая она из себя? Вот бы... И неожиданно она вихрем вылетела из трубы бани Удалуя, соседнего с нами нежилого дома. И она показалась мне в точности такой, как я представлял себе её по рассказам женщин. Моему изумлению и страшному испугу не было предела. Она летела в кромешной темноте, освещённая огненными перьями, осыпавшимися на снег. Она была величиной с индюка и с очень длинным хвостом. Тут же, не помня себя, я вбежал в кухню и, заикаясь от охватившего меня волнения, начал говорить о виденной жар-птице. Бабушка успокаивала, говоря: «Тебе показалось только, никакой жар-птицы нет. Это выдумка неумных людей».

...Сухари мы сушили на фронт для солдат. Сушили их со всем тщанием и, конечно, бесплатно. Это делалось всей деревней по призыву старосты Тебенькова Шангрей-бабая. Норма - полмешка за полмесяца. Когда приходило назначенное время, он собирал у всех сухари, накладывал на санитозвальни и отвозил в город. Бабушка нам говорила: «Старайтесь делать так, чтобы они получались у вас хорошими, крепкими. Кто знает» быть может наши сухари достанутся Кяриму. Им там никто не готовит похлёбку, азу и другое. На войне живут на сухарях». И мы старались. Делали сухари в день выпечки хлеба из ржаной муки, ещё из тёплого каравая; разрезали на одинаковые ломтики определённой толщины, круто посыпали солью, вдавливая её в мякиш. Набрал целые подносы - в печь русскую, где они сушились и затвердевали до состояния камня. До сдачи старосте продолжали выдерживать их в мешке на печи.

...Самовнушение - огромное дело. Так однажды я «видел на небе». Это случилось в канун великого праздника Уразы, в годовщину рождения святого Мухаммада. К тому времени я уже говел второй или третий раз, и мне было 12, может, 13 лет.

Я знал, что под утро, перед восходом солнца дня праздника самому правоверному мусульманину могут на небе показаться в мгновение «райские врата», но для этого надо пристально, не моргая, долго и бездумно смотреть на небо в направлении Мекки - священного места рождения Мухаммеда. Так вот, в канун такого дня я дежурил в ночном возле Даргазинского оврага, у его изголовья. Все приехавшие спали, а я, страстно желая увидеть «райские врата», соблюдая все правила, смотрел в одну невидимую точку в небе. Утро ещё только начиналось, чуть забрезжил свет начавшейся зари на востоке. Я лежал на спине и долго-долго смотрел... И, действительно, на востоке розоватость

кучевых облаков стала меняться в оттенках, а сами облака начали вихриться. Я - весь внимание... «Сейчас... вот сейчас что-то должно обязательно показаться, ведь я честно держу уразу, ни в чём непогрешим. Значит я - правоверный!»... И облака разбушевались, задвигались туда-сюда. «Что-то с ними происходит такое, чего раньше не замечалось... Наверное происходит то, что я сейчас... увижу! Вот, кажется уже... Так и есть!» В облаках образовалась большая дыра, а в ней далеко-далеко появилась более ярко освещённое изображение фантастических красивых колонн, вокруг них не то здание, не то каскад стен причудливой формы, а за всеми ними что-то сверкающее.

Сначала я с испугом обрадовался, а когда всё прошло, я увидел подобные скопления облаков везде и заметил, как они меняются в форме, и я понял, что увиденные «райские ворота» - плод моего воображения. Вот тогда вкралось сомнение о жар-птице - наверняка её вовсе и было. Но исходя из законов шариата, я обязан был изгнать всякие сомнения относительно веры в ислам, Мухамада, Аллаха - их учения. Религия пророка Мухаммеда повелевает мусульманам быть смиренным, терпимым к наказаниям Аллаха за грехи, при этом не только за свои грехи, но и за общие, всенародные.

Значит, это положение не позволяет сомневаться в правильности ислама; стало быть, ты должен выполнять что говорит мулла, но не то что делает сам мулла. Поскольку я не был лишён с малых лет ни любопытства, ни любознательности, то я вступал в какое-то внутреннее противоречие. Я замечал, слышал, видел, что тарбаевский и городские муллы, паломники, побывавшие в Мекке, да и те, кого я знал, иногда то пропустят говение, намаз, или в чём-либо согрешат, а потом, молясь Богу, принося жертву, зарезав овцу или корову в праздник Курман, снимают все грехи. Самоанализ, размышления обо всём этом всё больше и больше начинали убеждать в том, что надо думать, думать критически, самому находить истину, правду. Год за годом во мне религиозность ослаблялась; я перестал верить в судьбу в таком виде, как это трактуется исламом - о фатальности, написанной ангелом при рождении; стал отходить от пацифистских тенденций, что, было, начинали овладевать мною; постепенно стал избавляться от лохматого страха по ночам, и не успевшим развиться его спутником трусостью. Ведь страх, а на полшага трусость от него - результат отсутствия информации, знания. Вот я, не понимая этой истины, и начал сам себя информировать, помогали любознательность, анализ виденного и слышанного.

Так постепенно, но верно я отходил от религии. И в возрасте 17 лет я стал атеистом. Но тем не менее я обязан быть справедливым и признать, что появившееся во мне противоречие - религиозный фанатизм и сомнения, пытливость, любознательность - не могло остаться без последствий. Что-то в моих рождавшихся положительных склонностях притупилось, что-то в них опаздывало в своём развитии, а что-то, может, вовсе не проявилось.